

Томъ XXII (годъ 41-й). 50 номеровъ въ годъ. № 59. Выходитъ по четвергамъ. 5го октября 1868 г.

ГОДОВАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 7 РУБ., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСЯ ГОРОДА 8 РУБ., НА ПОЛГОДА 5 РУБ.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ по 15 к.; съ пересылкой и укомисіонеромъ по 20 к.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотову, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНІЕ: Объявленіе. — Внутреннее обозрѣніе. — Бомбаки. — Ринауръ. — Ивановъ день въ Аляскѣ. — Александръ Токмакъ. — Табаскъ. — Бадзерга. — 7-е декабря 1815 года. — Каково. — Адриана. — Изъ дома Бонапартъ. — Владимиръ Мозолей. — Карлсбадъ. — Источникъ Терезы и замо Дружба въ Карлсбадѣ. — Рыночная площадь въ

Карлсбадѣ. — Коловада въ Карлсбадѣ. — Посадки зрѣлыя въ «Смородину» въ Карлсбадѣ. — Королевскія «Иллюстрированной Газеты» въ Тюльнѣ, въ Назаровѣ. — Рамныя извѣстія. — Неролоукъ. — Отвѣты редакціи. — Объявленіе. — Петербургскія баржа. — ПИСЬМИКИ: Ринауръ. — Ивановъ день въ Аляскѣ. —

Амеросій Томасъ. — 4-е декабря 1815 года, картина Борова. — Табаскъ. — Каково. — Владимиръ Мозолей. — Источникъ Терезы. — Замо Дружба. — Карлсбадъ съ Тевлиндою долины. — Рыночная площадь въ Карлсбадѣ. — Коловада въ Карлсбадѣ. — Карикатура. — Ребукъ № 3-й.

„ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА“
ВЪ 1869 ГОДУ.

Мы вступаемъ въ двѣнадцатый годъ нашей газеты и издали уже двадцать два тома ея, заключающіе въ себѣ болѣе двадцати тысячъ рисунковъ и почти столько же статей по всѣмъ отраслямъ знаний, науки, искусства, ремесла и пром., представляющихъ полную картину истекшаго времени, во всѣхъ измѣнахъ его политическій и общественной жизни, во всѣхъ народахъ, во всѣхъ странахъ, внесшихъ свою лепту въ исторію цивилизаціи. Изображая, въ рисункахъ и описаніяхъ, современную жизнь, ея важнѣйшія событія, международныя сношенія, войны, конгрессы, свиданія властителей, мирныя торжества, ея дѣятелей, героевъ, монарховъ, ученыхъ, писателей, художниковъ, изобрѣтателей, успѣхи промышленности, новыя открытія, учрежденія, сооружеція, машины, сцени домашнія, свѣтскія, тини художественныя, народиче и т. п., «Иллюстрированная Газета» (бывшая «Иллюстрація»), вмѣстѣ съ тѣмъ, исследовала во всѣхъ отношеніяхъ и прочнее шире, представляла болѣе интересныя лица и явленія истекшихъ лѣтокъ. Мы убѣждены въ томъ, что черезъ десять лѣтъ изданіе наше будетъ просматривать не изъ простаго любопытства, но что съ нимъ будутъ справляться зѣлоискусно историческихъ событій и народныхъ нравовъ, чтобы ознакомиться съ замѣчательными явленіями нашей эпохи. Конечно, эту же картину представляють и другія современныя изданія, политическія, ученые и литературныя, но въ нихъ нѣтъ еще одной стороны, весьма важной при изображеніи гражданскаго и общественнаго быта — стороны *художественной*, представляющей глаголюще все, что интересуетъ современнаго и стоящаго на первомъ планѣ въ нашемъ изданіи. Поэтому-то «Иллюстрированная Газета» необходима въ ряду нашихъ журналовъ и не можетъ быть замѣнена имъ, тогда какъ сама замѣняетъ много, помѣщая, кроме всего, что является въ нихъ, разнообразныя рисунки по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаний. Этому исключительному характеру нашего изданія мы преимущественно приписываемъ тотъ фактъ, что публика, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, не оставила его своимъ вниманіемъ, когда, въ тотъ же періодъ времени, можно насчитать десятки прервавшихся изданій. Заслуга наша состо-

итъ въ томъ, что мы угадали потребности читателей и отвѣчали ей, какъ могли. Мы сами очень хорошо видимъ необходимость многихъ участіевъ въ нашемъ изданіи и вводимъ ихъ постоянно, на сколько это возможно, сообразуясь съ степенью поддержки нашей публики. Всѣмъ извѣстно, что усовершенствованіе періодическихъ изданій зависитъ отъ вниманія въ лицѣ читателей. Мы встрѣили въ болѣе достоящихъ сферахъ общества то же сочувствіе, каковаго вѣрнѣе ожидать за основаніе въ Россіи газетъ, могущей стать въровень съ иностранными изданіями въ томъ же родѣ, мы, послѣ пятилѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ и тратъ, обратились къ среднимъ классамъ нашихъ соотечественниковъ, и понизили цѣну «Иллюстрированной Газеты» до восьми рублей (съ пересылкой), ниже которой не выходила ни одно подобное изданіе въ Европѣ (даже польская «Иллюстрація», выходящая по 1^{1/2} листа въ недѣлю, стоитъ 12 рублей). Сдѣлавъ, такимъ образомъ, газету нашу доступною для большинства русскихъ читателей, мы встрѣили въ нихъ участіе въ нашемъ трудѣ, хотя еще не въ той степени, чтобы придать «Иллюстрированной Газетѣ» то совершенство, каковаго достигли нѣкоторые заграничныя иллюстрированныя изданія. Несмотря на это, съ уменьшеніемъ цѣны нашей газеты, не уменьшился ни объемъ ея, ни число помѣщаемыхъ въ ней рисунковъ, ни достоинство статей. Мы убѣждены, что всѣ, свидѣвие за постепеннымъ развитіемъ русской «Иллюстраціи», отдадутъ намъ справедливость въ томъ, что она удаляется съ каждымъ годомъ. Въ 1869 году газета наша будетъ печататься на лучшей бумагѣ и правитъ всѣ мѣры, чтобы рисунки выходили лучше хорошо и отчетливо, какъ въ первые годы нашего изданія.

Поэтому, мы считаемъ наибольшимъ распространять о томъ, что и въ 1869 году будемъ издавать также добросовѣстную нашу газету. Направленіе ея, не измѣняющееся съ 1858 г., высказано въ общихъ чертахъ въ програмѣ того же года: «стремленіе убѣдителей, отпоръ ретрограднымъ стремленіямъ, независимость мнѣній, содѣйствіе прогрессу въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, безпристрастныя сужденія, гуманнаго отношенія ко всѣмъ, даже къ заблуждающимся». Отъ этихъ принциповъ мы не отступимъ никогда, несмотря ни на какія обстоятельства, которыя причинили насъ иногда не высказывать того, что

мы думаемъ, но не въ силахъ были заставить насъ говорить то, чего мы не думаемъ.

«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА» выходитъ въ 1869 году *ежедневно*, по четвергамъ (кроме четверга святой и рождественской недѣли) и состоитъ изъ *пятнадцати* номеровъ въ годъ. Каждый номеръ, большого формата, содержитъ въ себѣ 6, кроме статей, множество рисунковъ, въ числѣ относящихся: 25 номеровъ составляютъ томъ, въ которому принадлежатъ систематическое отдѣленіе статей и рисунковъ и иллюстрированная обертка.

Подписная цѣна за цѣлый годъ (50 номеровъ) — восемь рублей сер., съ пересылкой во всѣ города имперіи; въ Петербургѣ съ доставкою на домъ семь рублей; на полгода (по 1-ю июля 1869 года) пять руб. Лица, подписывающіяся на полгода и желая получать газету и во второмъ полугодіи, дополняющаю не *позже* 1-ю июля 1869 года — три руб. сер. Съ выходомъ же въ свѣтъ перваго № второго полугодія (или 26-го №) полугодочная цѣна остается пяти рублей. Пересыла за границу, по Франціи и Германіи, свѣтъ, свѣтъ, абсолютной цѣны, 4 руб. сер. (8 коп. на №), въ Бельгію 3 р. (6 к. на №), въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію 5 р. (10 к. на №), въ Швейцарію 6 руб. (12 к.) и въ Италію 7 р. (14 к.).

Отдѣльные номера продаются по 15 коп. въ редакціи, 20 коп. у комисіонеромъ.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ГАЗЕТѢ ПОМѢЩАЮТСЯ:

Внутреннее обозрѣніе правительственныхъ мѣръ, дѣйствій законодательной и административной власти, важнѣйшихъ явленій гражданской жизни, съ одобреніемъ и осужденіемъ ихъ значенія, отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ. **Официальныя извѣстія** не помѣщаются въ лѣткѣ, а дѣлаются въ извѣстныя извѣщенія, объясняющія ихъ сущность. Только въ особенныхъ случаяхъ приводятся въ полнѣннѣ эти документы. **Ежедневныя обозоры** эти представляютъ полную картину внутренней жизни нашего отечества, структурированную, представляющую по возможности въ стройной связи, причѣмъ сообщается только то, что важно въ какомъ-нибудь отношеніи, что характеризуетъ событія и описываетъ всѣ мелкія подробности. **Официальныя свидѣнія** посвящаются частнымъ корреспонденціямъ; сверхъ того, помѣщаются всѣ, отдѣльныя, въ какомъ либо отношеніи замѣчательныя, факты нашей гражданской и общественной жизни.

Поэтика. — Обзор всех замечательных годовражденных и гражданских событий. Очерки положения разных стран, явления народной жизни и международных сношений.

Романы, повести, рассказы, сны и правды, песни, стихотворения, русские и переводные: все, что относится к так-называемой беллетристике.

Портреты замечательных лиц — с их биографиями, но всегда отражая человеческой деятельности. Мемуары и исторические сочинения.

Учености, статистика и политическая экономия. Упомянуты во многих краях нашего отечества и вообще всякие сведения, относящиеся к ближайшему ознакомлению с Россией, во всех отношениях.

В наше время, едва из главных сотрудников журнала — сама публика и читатели журнала. Без их участия и сообщения о том, что делается в разных краях нашего отечества — журнал не имеет достоинства свежести и современности. Участие публики особенно необходимо для «Иллюстрированной Газеты» — в отношении ее рисунков, картин, фотографий, описаний различных видов, памятников и местностей России.

Без достояния таких видов сотрудникам, мы будем поставлены в невозможность помещать много подобных рисунков; но можем объявить, *нереально во каком-либо номере* нашего журнала, виды русских местностей, городов или отдельных замечательных зданий, портреты русских деятелей, сны из нашей домашней и общественной жизни, карикатуры на наши недостатки и странности, одним словом, что-нибудь русское. Вообще, мы можем заявить, что журнал не должен пренебрегать никакими, и не стесняться публиковать своих статей, рисунков и картин, не занимающихся для русского читателя.

Мы скорее дадим меньше рисунков, но чтобы все они имели интерес. «Иллюстрированная Газета» издание с рисунками, но не издание для рисунков: иллюстрации в ней дополняют, поясняют статьи, а не составляют главное, и в ней, большей частью, рисунки составляются из статей, а не статьи подбираются для рисунков.

Статьи по отходу наук, истории, географии, описаниям животных, птиц, рыб, насекомых, описаниям только таких, которые могут интересовать русского человека.

Популярная и общественная статьи по всем отраслям знаний. Описания произведений искусства. Сведения о новейших явлениях в науке, промышленности, торговле, художестве и проч.

Письма из Петербурга и других городов России, из Франции, Англии, Германии, Италии и других стран, сообщаящие всеобщие известия обо всем, что происходит в различных частях света, театраль, литературы, политики, наук и искусства.

Библиографическая и критическая заметки обо всем, что касается замечательного в русской литературе и журналистике. Театральные обзоры. Об основной книг в, присланной в редакцию, отдается отчет.

Перелог всех замечательных лиц, умирающих в настоящее время.

Разные известия из всех родов, мелкия фельетоны, статьи, биржевые курсы, математические задачи, ходы, реверсы, шахматы, игры и проч.

Объявления всякого рода — литературы, торговли, промышленности, принимаемые с платою по действительной цене за строку мелкого шрифта, за 0,05 коп.; за реклами — по условию. Для объявлений могут быть по желанию изготовлены рисунки.

Объявления в наших ежедневных изданиях, остаются в течение семи дней в их изданиях, могут быть больше числа читателей, тогда казья и ежедневные листки, всякий день, или же, в течение десяти дней, казья и ежедневные листки, все это делается, чтобы привлечь все внимание и следовательно, лучше стоить всемерно дороже. Сперва тогда, во нашем издании, как художественно, объявления сохраняются в листке с журналом, и всякий, кто читает его, прочтет и объявления, тогда как в изданиях, специально назначаемых для объявлений, их читают только с исключительной целью, а в ежедневных листках они исчезают вместе с этими листками, сохраняя только в иллюстрированных изданиях, объявление в том же году, перепечатываемых составляющих альбом, который можно всегда перечитать и пересмотреть.

«Иллюстрированная Газета» является немедленно по выходу в газетную экспедицию петербургского почтамта, в заключенных конвертах с печатными адресами подписчиков. Обо всяком неполученном номере или доставленном не открытым просим сообщить, в течение того же месяца.

Письменные почтовые начально приняло все меры, чтобы всякий утраченный М был вторично выслан на счет виновного.

«Иллюстрированная Газета» не публикует списков своих сотрудников, полагая, что для читателя важнее всего, что напечатано в журнале, а не то, кто напечатал. В особенности отменяется, от своих страниц всякому названию сотрудников. Лист, доставляющий статьи, просит, касательно поминания этих статей, сообщить свои условия, без чего статьи поступают в наши распоряжения редакций. Просим также вносить и статьи не выкладывать ни сего, так как за это на почт мы должны уплачивать штрафы, или не принимать их с почты. При каждом статье должны быть имя и адрес автора. Безымянные статьи и письма уничтожаются непрочитанными. Статьи и рисунки, неудобные к помещению, не отсылаются обратно, но их можно получить в редакции, где они сохраняются до конца того года, в течение которого присланы, кроме стихотворений и мелких статей. В случае надобности статьи подвергаются сокращению.

«Иллюстрированная Газета» печатает ответы на все письма (кроме абонентных). Письменные ответы, билеты и квитанции по получению подписной суммы доставляются только в таком случае, если их прислать г. г. корреспондентам приложенной почтовой маркой. Редакция, при возобновлении подписки, просит, чтобы читатели сообщали ее (кроме случаев взрывов и других адресов) замещения о составившихся, желания и т. п. При перемене адресов и других требованиях, просим присылать их по адресу почтовой адрес, наложенная на конвертах, в которых раскладывается газета. Это избавит контору от справок и визитов и списков, что всегда замедляет исполнение требований г. г. подписчиков.

Подписная сумма, посылки и писем адресуются в редакцию «Иллюстрированной Газеты» за имя В. Зарина (Городской № 38). Городские жители могут подписываться также и в контору «Иллюстрированной Газеты», в цену фортепьяно, принадлежащей А. Баумана, на Невском, в дом Голландской церкви. Объявления для поминания принимаются там же. Подписываться можно также в газетных экспедициях петербургской и московской почтамтов, и редакция отвечает за вбросу и своевременную доставку газеты только тем лицам, которые заявляют свои требования в одном из означенных выше мест.

Редактор В. Зарин.
Издатель А. Бауман.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Крушение фрегата «Александр Невский». — В «Кронштадтских Вестниках» сообщаются подробности о фрегате «Александр Невский». Он потерпел крушение на скалах и низменном берегу Игальди, в ночь с 12-го на 13-е сентября, в 11 часов вечера.

В последний раз, фрегат определял свое место по обсервации 11-го сентября, и это место совершенно верно совпадало с списком широты и долготы. Затмь, до полдня 12-го сентября, не могли делать астрономических наблюдений по причине тумана, дождя и облачного состояния неба. В полдень 12-го, для проверки счислений были брошены дальномер, причём оказались глубина в 22 сажени, между тём, как на карте на этом месте показана глубина в 23 сажени. В 1 час 45 минут вечера, когда туман начал рассеиваться, для входа в Скагеррак, на карте продолжил средний курс, который должен был провести фрегат в расстоянии от маяка Гангелстама (на югландском) около 27-ми миль, а от маяка Оске (на норвежском берегу) около 33-х миль. Таким образом продолжали идти, считая себя виль всякой опасности.

С 8-ми часов вечера, 12-го сентября, втерь стали усиливаться по волнами и дождем, что, однако, не мешало продолжать идти тём же курсом до 2-х часов ночи. В это время налетел сильный шквал с дождем и неустойчиво, причём разорвало грот-брамсель и закрыло весь горизонт перед носом. До 25-ти минут 3-го числа, командир находился наверху и лишь тогда

спустился вниз, как с нами дано было знать, что с левой стороны отозвался блужный островной остров. Командир тотчас нырнул наверх и, вместе с вахтенным начальником, лейтенантом П. А. Зелениным, стал разсматривать, но был из этого огня на мимо идущего судна; но так как отличительных огней не было видно, в маяки на обоих берегах имелись огни перемещавшиеся с проблемами, то рывно было, что видный огонь не следовало принимать за судовой, ни за один из маяков. Тогда тотчас было отдано приказание переменить курс прямо на восточный огонь. В это же время стали смутить на карту, идти ли подобно огня, но такового не оказалось. Все эти обстоятельства ясно указывали, что фрегат несло течением, и что счисление его было неверно; вследствие чего капитан приказал привести к вбросу, чтобы удалиться от берега, и убрать фок и грот. В момент уборки нижних парусов почувствовался первый, весьма сильный удар. С той минуты, когда увидели выветрившиеся паруса, до начала удара прошло не более 8-ми или 10-ти минут. Команда была вызвана тотчас на берег, отдала марш вправо и вправо марша на гитовы. Удари стали уходить; фрегат положо на восточную сторону; судно фок и грот-мачты, причём никто не был убитых. Затмь, половина фрегата становилось с каждым минутою больше и больше опасения, а потому приказано было строить план иль ростер и выбрасывать орудия за борт, которых и было выброшено до десяти. Страшнейших опасений раздала команда, когда капитан приказал спускаться. Для того, чтобы дать знать о своем положении фрегата, начали спускаться из орудий, причём, одному человеку оторвало руку и выброшено его за борт. Увидя это, лейтенант А. А. Зарин бросился с концами спасать уплывающего, которому удалось вылезти на своих плечах. Раненого судьясь отнесли в лазарет, где доктор Курдюк отдал ему ампуляцию, несмотря на страшные рожавки боковой чаши и удара о грунт. Между тём, во время спуска, капитан вынул из кармана перчатки и рубашку провансаль, облекая в фрегате и рубашку рубашку баш-мату. Великий князь Александрович, не потеряв присутствия духа, принимал деятельное участие при всех этих работах.

Когда рассело, с фрегата увидели несчастье и отозвали берег, в расстоянии трех кабельтовых. На берегу появились рыбаки. Рывно отпавить баржу с мячманом Остелкиным, в отдалении, по у буровому выброшено, причём охитил из бурового туюлку, и мячману Остелкину не удалось исполнить возложенное на него поручение. Фрегат все еще оставался без обеспечения сообщения с берегом. Для того, чтобы устроить это сообщение, испытаны разные средства: пуская на воду бочки, бросали ракеты с концами, пуская вилась с концами бачки, но все эти меры не привели к желанному результату. Тогда вызвались охотники, и лейтенанты Шкель-фон-Гильдебандт просить позволения адмирала отлучиться на шестерей, с 5-ю членами экипажа и двумя чинами, чтобы подальше выехать на берег; в эту же минуту вскочил и лейтенант Зарин.

Между тём, собравшиеся на берегу рыбаки также бросали ракеты с концами, по направлению к фрегату, и одна из них ушла у самого борта. С фрегата приказали лейтенантам Зарину и Шкельу стараться поймать, на только что приближен шестерей, упавшую у борта ракету; рыбаки же, полагая, что ракетка ушла не у борта фрегата, стали выкирывать концы от нее с подвоялками на шестах. Шестовая потонула в море, огонь которого не удалось погасить. Подойдя к бурману, шлюпка опрокинулась, причём погибла одна офицера и два матроса.

В эти часы попытка устроить сообщение с берегом прошло все утро. Наконец, в 12 часов, одному матросу удалось поймать концы ракеты, которая перелетела через нос фрегата и попала в которой плавало у борта. В это же время, на берегу привезла на лодках сансельную лодку; в 1 час пополудни лодку эту спустили на воду и от нее поплыли к фрегату. С приходом сансельной лодки и с подложкой концы, сообщение с берегом было устроено. На берег подали сначала перини, потом кабельтов и закрепили его на берег.

духу нашего времени, но и большею частью направлены к тому, чтоб парализовать народныя и религиозна чувства болгарскаго народа. Подати были удвоены и частью даже учетверены. Религиозна наши права пренебрежительно попирались, наши просбы объ обновленіи болгарской епархіи уже двадцать лѣтъ встрѣчаются съ презрѣніемъ. Народныя училища систематически преслѣдуются. Странныя злоупотребленія турецкихъ судилицъ и вообще административныхъ учрежденій усугубляютъ съ каждымъ днемъ. Невинные болгарскіе жители ежедневно падаютъ жертвою подъ лапанами и вислицею азіата. Вотъ главныя причины болгарскаго возстанія. «Мы нижеподписавшіеся, члены временнаго болгарскаго правительства, просимъ ваше высочайшее милосердіе, именемъ справедливости и чести, возлюбія, довести до свѣдѣнія нашего правительства наше заведеніи; мы стоимъ себя надеждою, что оно поддержитъ справедливое дѣло. — На Балканѣхъ».

Испанія. — По немного узнается подробности о возстаніи въ Испаніи и возвращается прежнія извѣстія. Изъ прокламации генерала Прима видно, что онъ первый прибылъ въ Кадисъ, тогда какъ генералъ его сообщники были еще задержаны въ морѣ, и его присутствіе, а нерѣшимость адмирала Тонета, привело пропусканіемъ всего флота. Инсургенты заранѣе согласились низвергнуть правительство, угнетавшее Испанію, и поручить рѣшене судьбы отечества представителямъ націи, выбравшимъ всеобщее поданое голосовъ. Манифестъ революціонной сельской вѣсти дополняетъ прокламацію генерала Прима. Генералъ прибылъ въ Кадисъ изъ Гибралтара, на англійскомъ пароходѣ, и тотчасъ отправился на фрегатѣ Тонете, гдѣ происходила конференція съ моряками. Примъ провезъ ночь на фрегатѣ, а поутру раздались пушечныя выстрѣлы и военная музыка исполнила

Римаръ.

гимнъ Риго. Жители Кадиса, проснувшись, увидѣли пуня, направивша на нихъ. Адмиралъ послалъ къ губернатору парламентаря, требуя сдачи города; тотъ хотѣлъ сопротивляться, но моряки готовятся къ высадкѣ и слыша, что солдаты кричатъ: «да здравствуетъ Примъ, да здравствуетъ свобода!» допустить высадку. Кара-

надо, выннати выгнавъ отъ Кадиса, на которомъ былъ многоиспанскій гарнизонъ, былъ взятъ инсургентами послѣ небольшого сопротивленія. Инспекторъ арсенала убитъ. Потомъ возсталъ городъ: Хересъ, Порто-де-Санта-Марія, Порто-реале, Медина-Сидоня.

Вотъ прокламація генерала Прима: «Къ оружію!

Довольно страданий. Терроръ есть границы, а испанская нація и въ своемъ несчастіи не переставала быть великою. Часъ революціи пробилъ. Это необходимое средство, когда этого требуютъ спасеніе отечества. Либеральные принципы и люди довольно благоразумные, чтобъ понимать требованія страны, могли бы совершить реформы безъ потрясеній, но гнетъ усиливался вмѣстѣ съ безправностью и, отравивъ правительство, проникъ въ общество. Администрация сдѣлалась продажною, политика превратилась въ рынокъ, правосудіе было только ступенью для честолюбивъ. Все это собрало бурю, которая разразилась, наконецъ, прорвавъ шогуну, отдавшую Испанію отъ другихъ цивилизованныхъ странъ. Къ оружію, граждане! Это гнетъ всѣхъ испанцевъ. На время борьбы, всѣ должны забыть о прежнихъ несогласіяхъ; всѣ должны сложить на алтарь отечества частныя неприятности, такъ, чтобъ въ большой либеральной общинѣ была одна цѣль — борьба, одинъ предметъ — побѣда, одно знамя — возрожденіе отечества. Вооруженная революція вдалась разрушить преніяствія, противящіеся благосостоянію народа; она будетъ создавать сповоиво, обязуемо, какъ должны это дѣлать нація, съ достоинствомъ возвращающія свои права, потому что они достойны ихъ и сохранили свое благоразуміе. Уничтожимъ, вѣрнѣе то, что время и прогрессъ сдѣлали бы постепенно, но не будетъ преждевременно стремиться къ осуществленію несбыточныхъ требованій, что можетъ только ослабить единушное дѣйствіе. Когда водворится спокойствіе и размышленіе вступитъ въ свои права, каждая нація можетъ безъ опасенія развернуть свое знамя и народъ будетъ ихъ судить. Вотъ почему мы хотимъ общей подачи голосовъ, посредствомъ которой можно завоевать свободу. Генералы Серрано и Дуэсе должны были находиться, вмѣстѣ со мною и съ храбрыми моряками, въ главѣ движенія и

Амросіей Томасъ.

хотя ихъ задержало море, но я говорю и отъ, знаа этихъ знаменитыхъ понюво. Испанці! Отечество требуетъ нашихъ успій. Неужели вы не слышите страданій нашихъ отцовъ, братьевъ, дѣтей, жонъ! Идемъ въ битву, не заботясь о томъ, какое у насъ оружіе, потому что всякое хорошо, чтобъ возвратить честь родниѣ, спасти униженную свободу.

Докажемъ, что мы сохранили испанскую гордость, которая вошла въ пословицу, возвратимъ себѣ уваженіе другихъ странъ, будемъ достойными дѣтьми благородной Испаніи. Да здравствуетъ свобода и національная власть! Хуанъ Приньесъ. Революціонная сенітская юнта провозгласила полную свободу подачи голосовъ, свободу печати, свободу преподаванія иронсочиваній, торговли, промышленности, реформу законовъ о тарифѣ, покуда положеніе страны не дозволитъ объявить полную свободу торговли. Манифестъ уничтожаетъ также смертнью казнь, объявляетъ жилище гражданъ недоступнымъ, корреспонденцію священною, уничтожаетъ законы конституціи о государственной религіи, о династии и престолонаслѣдствіи. Армія и флотъ будутъ набираться изъ волонтеровъ, налоги на соль и табакъ уменьшены. Выборы въ кортесъ будутъ производиться общемъ подачею голосовъ.

Сраженіе, происходившее у Сантандера, между королевскими войсками, подъ начальствомъ маркиза Калонхе, и инсургантами, было жаркое. Последнихъ было 1,800 человекъ, а у маркиза 4,000 и три полковыхъ орудія. Несмотря на это неравенство силъ, королевскія войска понесли значительныя потери. Убито у нихъ до 400 человекъ, 21 офицеръ и два генерала ранены. Инсурганты успѣли спастись на фрегатъ и заперлись въ Сантобъ. Сантандеръ остался маркизу Калонхе, несмотря на то, что генералъ Приньесъ прислалъ жителямъ пушекъ, ружей и подкрѣпленія. Революціонная юнта повѣщала вооружить гражданъ и построить браннадіи, но городъ открытъ со всѣхъ сторонъ и Калонхе не трудно было взять его, хотя защита была отчаянною. Четыре часа продолжался канонада, сдѣланная много вреда городу. Это было не сраженіе, а скорбе, бойня. У инсургантовъ больше ста человекъ убиты и много раненыхъ; правительственная войска потеряла много людей, потому что въ нихъ стрѣляли изъ города и съ кор-

«7-го декабря 1815 года», картина Жерома;

жель, так что его посадили въ тюрьму Эта тюрьма загорѣлась, арестанты разбѣжались, и Ринарь снова занялъ нѣсколько денегъ, съ которыми началъ торговать и возвращать себѣ кредитъ. Вскоре онъ купилъ помѣстье Файль близъ Немура и началъ предпринимать большія спекуляціи. Покупая однажды англійское сукно, онъ сошелся съ молодымъ negociantомъ Ленуаръ-Дофренсомъ, предлагая ему торговать вмѣстѣ и они составили знаменитую фирму Ринарь-Ленуаръ. Самому Ленуару покровительствовалъ англійскій князь и Ринарь открылъ таинку фабрикаціи. Тотчасъ же онъ нанянулъ хлопца, одного англійскій плывшій устроилъ ему стани и они началъ дѣлать англійскій канвавъ въ уицѣ Бельфонъ. Скоро они наняли громадный домъ и устроили фабрику, но и та оказалась недостаточною—такъ быстро раскупался его канвавъ. Они занялъ весь монастырь въ уицѣ Шаронъ и дѣла его такъ превосходно, что первый консулъ помножительно началъ дѣлать работы. Въ нѣсколькохъ денехъ Шаронъ началъ работать для Ринаря-Ленуаръ и скоро устроена была этою фирмою фабрика въ Алансонъ, въ Канъ, въ Шантильи. Богатство и кредитъ компаньоновъ былъ громаденъ. Въ 1806 году Ленуаръ-Дофресь умеръ, а Ринарь сохранилъ его имя, потому что бѣзъ имени Ленуара не могъ бы исполнить всѣхъ заказовъ и обогатилъ нѣсколько городовъ и селенъ. Создалъ во Франціи бумажную промышленность, онъ хотѣлъ еще устроить хлопчатныя плантаціи, посылать хлопковъ въ королевствѣ обихъ Силіи, но ввезъ уже во Францію много хлопка въ Бельфонъ—желая на хлопковъ большую пошлину, желая, чтобъ его сбываю на югъ Франціи. Ринарь потерявъ при этомъ значительныя суммы, дѣла его разстроились, работы на шести фабрикахъ остановились. Онъ занялъ нѣсколько мильоновъ, но въ это время Голландія присоединилась къ Франціи и въ всея торжественно Ринарь не могъ продавать свои произведенія такъ дешево и обратился за помощью къ Наполеону, который далъ ему полтора мильиона франковъ, сдѣлавъ его членомъ мануфактурнаго совета, далъ ордеръ на покупку земли. Нестая 1813 года разорили сына Ринаря. При учрежденіи національнаго гвардіи, онъ сформировалъ восьмой легионъ, оцѣнилъ его на свой счетъ, подалъ голосъ въ пользу записки Парива и записалъ Венесуекую уллицу. Декретомъ 1814 года уничтожены были всея премушества бумажныхъ фабрикантовъ и Ринарь-Ленуаръ, занимавшій 20,000 рабочихъ и имѣвшій въ рукахъ до восьми мильионовъ, разорился совершенно. Онъ продалъ все свое имущество и составилъ изъ него уаза. Скоро онъ удалился отъ дѣлъ, содружительною способиувъ уваженіемъ и благодарностію за то, что далъ Франціи промышленность, которая ее обогащаетъ. Онъ оставилъ любуныя записки. Недавно ему доставили памятникъ, сохранивъ и на немъ имя Ринаря-Ленуара, хотя въ этой знаменитой фирмѣ Ленуаръ Дофресь былъ только помощникомъ геніальнаго, дѣятельнаго Ринаря.

Ивановъ день въ Алвзасѣ.

Нынѣшній лѣтомъ, 23-го іюня, въ мѣстоэтахъ, орошаемыхъ Дибровиомъ, съ утра и до захода солнца жаръ былъ до такой степени нестерпимъ, что нельзя было показаться на улицѣ; ни одинъ лѣтчикъ не колыхнулся и казался, что вся природа усеула подъ палачиными лучами солнца. Зато съ наступленіемъ сумерекъ все вышли подышать свѣжимъ воздухомъ на рѣку; звѣздочки начали появляться на небѣ и наступилъ, навѣвая вѣсныя, завопалъ свой домой, какъ влрнуть со всѣхъ сторонъ въ различныя мѣстахъ заглянсъ кусты; вода, горы, долины—все заблестало тысячей огней. Всѣхъ около послѣднихъ виднѣлись группы работниковъ и дѣвухенъ съ законными сѣмьями на длинныхъ шестахъ; танца, они скакали съ пѣснями чрезъ огни.

Деревскій уицъ почти по всей Европѣ, ежегодно напуганъ Ивановою днѣ, то-естъ, 23-го іюня, празднуетъ его, какъ въ эпоху язычества. Обыкновенно праздникъ устраивается такъ, что на берегу рѣки приготовляется костеръ изъ хвороста, на него ставится деревянная труба, дѣлая заглазку хворостомъ и дымъ заисается тысячами искръ. Молодежь, ударявъ танцу, скачетъ чрезъ огни, сопровождая это пѣснями и свѣтитъ съ дѣвухами, украшенными вѣнками изъ различныхъ травъ. Въ Украинѣ, праздникъ Ивана-кунала, какъ извѣст-

но, бросаетъ въ рѣку вѣсны, гадаю о своей будущности.

Нетолько въ земляхъ славянскихъ почитается Ивановъ день, его соблюдаютъ и другіе народы германскаго и романскаго происхожденія и вѣрять въ такое же веселостю, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что тамъ этою образу не придаютъ такой таинственности. Прилегающими русиномъ представляется празднованіе Ивана днѣ въ Алвзасѣ во Франціи; въ этой странѣ, празднствъ происходитъ почти какъ и у насъ, чрезъ гориле кусты скачутъ веселыя пары дѣвухенъ, представляемостныи прыжками, какъ-то дню.

Общее празднованіе Ивана днѣ почти всеими европейскими народами приводитъ на мысль ту эпоху, когда всѣ они составляли одинъ народъ, почитавшій огонь таинственнымъ—священнымъ; послѣ переселенія народовъ, этотъ доэологоническій обычай остался неприкосновеннымъ, хотя одинъ племена мѣли огонь, какъ божество, а другіе только зажигали костры въ честь Бога.

Амвросій Томасъ.

Уже нѣсколько лѣтъ въ французскія газеты наполнены разсказами объ успѣхѣ французской оперы «Миньоны»; теперь ее ставятъ и на итальнской сценѣ. Фетисъ давно уже оцѣнилъ Томаса, какъ одного изъ отличнѣйшихъ композиторовъ современности. Въ 1850 году опера его «Сонъ въ лѣтнюю ночь» имѣла блистательный успѣхъ. Это первое изъ оперъ французскаго операго «Кандъ» проделывала пынну Юталий.

Оба эти торжества доставили ему мѣсто, которое прежде занималъ Спонтини въ институтѣ Фетисъ, въ своей биографіи музыкантовъ, подтверждаетъ, что Томасъ, какъ президентъ академіи художествъ, отличился, также какъ и своею дѣятельностію на музыкальномъ поприщѣ.

Амвросій Томасъ родился въ 1811 году въ Медѣ. Онъ первоначально изучалъ музыку въ Итали, гдѣ занимался и релігиозною пѣніемъ. Онъ былъ въ тѣхъ же трибунахъ, а также написалъ и двѣ изъ осуществленій гармоніи, которыя разработалъ, изучивъ Мопарта и Палестрину, такъ что знаніе президента академіи художествъ, данное ему въ 1855 году, было вполне имъ заслужено.

Возвратясь во Францію, онъ не довольствовался французскою и итальянскими школами, но отправился въ Германію и обработовалъ въ Лейпцигѣ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, а именно: квартетъ для двухъ скрипокъ, алта и баса, и шесть симфоній для оркестра. Въ Парижѣ сдѣлалъ онъ нѣсколько релігиозно музыкалю, написалъ ревюемъ, который и теперь часто ирвется въ Парижѣ, при торжественныхъ слушаньяхъ. Впрочемъ, всѣ инструмты ему оченю хороша знакомы. Въ молодости онъ былъ отличнй скрипачъ, потому одинъ изъ лучшихъ пѣльцовъ диммерановской школы, наконецъ, онъ славился, какъ органистъ.

Во Франціи считается онъ первымъ знатокомъ инструментовки и доказалъ это какъ въ своей «Миньонѣ», такъ и болѣе въ оперѣ «Гамлетъ», давшей ему въ Парижѣ въ проломѣ мѣсяцъ съ болѣе чѣмъ сѣдмьюхъ.

«Миньонъ» перенесена недавно въ Германію. Въ Парижѣ написана она комическою оперою, а въ Германіи разговоры замѣнены речитативами, и изъ уваженія къ Гете, комедіе лабрето измѣненъ по желанію самого Гете, хотя это и не нравилось французской публикѣ. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Веймарѣ дають представленія этой оперы.

Главное произведеніе его, ставшее ему всмильнѣйшимъ трудомъ—«Гамлетъ», который онъ оцѣнилъ въ проломѣ году и все осматривалъ, гдѣ бы ему имѣли Оперу. Издатель его сочиненій, Гейльберъ, напоилъ ее въ быдлоу юриведки Христины Нильсонъ, которая и была аганикрану на на лирической театрѣ. Директоръ большой оперы Перель хватился за эту идею, тотчасъ же ангажировалъ Нильсонъ, заперъ Томаса на 8-мъ недѣль въ собственной своей квартирѣ, далъ ему два ашина сигаръ и неугомино надиралъ за окончательною работою оркестровъ партитуры. Чрезъ два мѣсяца Томасъ былъ освобожденъ изъ долъ ареста и релігиозныя оперы написалъ. Вѣсь Парижъ полонъ былъ оцѣнками и разномудрыми сужденіями. Нѣкоторые находили, что опера скучна, другіе восхищались ею, но всѣ были убѣждены, что Нильсонъ будетъ имѣть величайшій успѣхъ въ Офеіи. Последнее сбылось, особенно въ чет-

вертомъ актѣ, который можно назвать задушевнымъ. Мониторюа была блистательна, но провинныи «Гамлетъ» утверждалъ, что опера скучна.

Амвросій Томасъ употреблялъ на нее все свое драгоцѣно; въ этой оперѣ виднѣсь все музыкальное характеръ его и направленіе. Какъ отличнй теоретикъ по части инструментовки, онъ далъ нарисовать слишкомъ учонъ языкъ, какъ она выражающъ: слишкомъ doctrine. Слушатель напрасно пробуетъ отъ него издѣлки; если онъ и думается въ нихъ, то скоро возмущается въ своемъ контрапункту. У него не достаетъ той паннамской неслосто, которую Оберъ умѣлъ выразить въ своей послѣдней оперѣ, данной на днѣхъ «Premier jour de bonheur», несмотря на свои 87 лѣтъ.

Впрочемъ, и между техниками есть много враговъ у Томаса. Занимаемое имъ мѣсто приводитъ его часто въ столкновеніе съ представителями разныхъ школъ, которые и мѣстѣе имъ отомъ своею критикомъ. Конечно, ни въ одномъ болѣе шомъ городѣ нѣтъ такихъ неврѣнхъ полонитъ о музыкѣ, какъ въ Парижѣ, хотя здѣсь всѣ занимаются музыкою. Въ Германіи «Гамлетъ», вѣроятно, не будетъ имѣть такого успѣха, хотя по своимъ мнѣніямъ Томасъ подходитъ въ вагнеристамъ, замѣняющимъ недостатокъ мелодіи учоную разработку. Изъ исполнителей только Форъ въ роли Гамлета, Палестро въ роли Офеіи и Коленъ въ небольшой партіи Лэрта были очень влохъ. За то Форъ былъ удивительнѣйшій Гамлетъ; онъ читалъ и вводилъ новыя Шекспира.

Фешера, Клеманъ, въ своихъ «Musiciens célèbres» пишетъ, что лучшее произведеніе Томаса «Сенхеръ», но она не была поната публичною комическою оперою, потому что Томасъ опередилъ своихъ судачателей на десяти лѣтъ. Идея Томаса слишкомъ возмужена для комической оперы. Въ 20 лѣтъ Томасъ написалъ 15 небольшихъ оперъ. Послѣ «Канда» (1849 г.) и «Сна въ лѣтнюю ночь», они написаны: «Раюнда», данное на томъ же театрѣ 3-го іюня 1851 г.; «Тонеланъ»—30-го марта 1856 г.; «Дюра. Симонетта»—17-го іюня 1855 г.; «Шекспиръ»—27-го января 1857 г.; «Венеціанскій карнавалъ»—9-го декабря того же года; «Романъ Эльвиръ»—24-го февраля 1860 г. и, наконецъ, «Миньонъ»—17-го ноября 1866 г., которую вироложенію года давали 150 разъ.

Табакъ.

Табакъ—растеніе, принадлежащее къ семейству пасленовыхъ (Solanaeae). Корень одностѣбный, безъложнога цвѣта, вѣтвистый, состоящій изъ большого множества волоконъ. Стебель трагивистый, прямостоящій, вышшою отъ трехъ до пяти футовъ, усаяенный короткими, тонкими, длинными, желѣзистыми волосами. Листья большіе, остовіе, желтоватозеленыя. Цвѣты большіе, блѣдно-красныя. Сѣмена буро, мелкія, покрыты двойною оболочкою. Внесушныя листья имѣють буро-желтоватый цвѣтъ, а свѣже отличаются дымчатимъ запахомъ и острыми, горячимъ, противнымъ вкусомъ. Въ дѣлѣ бривеніи табаку различаютъ въ нихъ три сорта: первый сортъ, называемый моуа, изъ него образуется махлостое, бесцвѣтное, летучее, азотистое основное вещество, называемое никотиномъ. Известно это имѣть до того сильное наркотическое свойство, что одной калды его достаточно, чтобъ убитъ грюлка. Еще недавно въ Англіи былъ случай такого рода: молодой человѣкъ до того пристрастился къ табакѣ, что уже не довольствовался куреніемъ его; однажды, онъ сталъ жевать сигару: черезъ нѣсколько часовъ онъ почувствовалъ странную боль въ желудкѣ и мѣнѣе, чѣмъ черезъ сутки, умеръ.

Употребленіе табака въ обшкитѣ двояко: такъ курительный и табакъ вымачивалый. Хороша курительнаго табака неподдѣльные листья почти всею не отличаются отъ высушенныхъ, но имѣють металлическаго блеска и не всплываютъ при горѣніи; дымъ ихъ спешно-блѣднъ и зола плотна, тонкая. Свойство его раздражительное. Раздраженіе отъ табака, дѣйствиа на дыхательныя и пищеварительныя органы, заставляетъ ихъ усиленно отдѣлять слюну, позволяетъ отхаркиваться мочу; дѣйствиа табаку, не отличающагося наркотическою дѣйствиа табаку, онъ оченъ вреденъ, хотя одновременно онъ перестаетъ дѣйствиа на организмъ возбужденію, но и тутъ, если пернагутъ извѣстнй предѣль, вредное дѣйствиа табака оказывается всео влѣніе, въ особенности, если курящій сильно затѣянъ и долго остается

сь облаках дыма». Чемъ моложе организмъ курищаго, тѣмъ вреднѣе и сильнѣе дѣйствуетъ на него это растеніе. Сигары вреднѣе папиросъ и трубки, потому что все осаждающееся на ватѣ папиросы и чубуки трубки, изъ сигары приходитъ въ большомъ количествѣ въ ротъ, гдѣ, сѣвшись со слюною, проходитъ въ желудокъ и производитъ сильное раздраженіе поджелудочной желѣзы; кроме того, дымъ сигары раздражаетъ глаза, нередко до воспаления. Отдѣляющаяся отъ куренія мочевина слишкомъ часто отливается очень вредно, точно также, какъ постоянное проглатываніе, напичканной наркотическими веществами, слюны заглушаетъ чувство голода; поэтому, сильно курильщикъ ѣдитъ очень мало и постоянно худѣетъ. Одинъ изъ измѣнчивъ чубуковъ, Ванкельманъ, утверждаетъ, что образцы античной красо-

курени образуются, производятъ джаніе и вѣхлювъ и вводятъ тоску. Самая вредная изъ вѣхлювъ приправъ — струма.

Дѣйствіе нюхательнаго табака сосредоточивается на слизистой оболочкѣ носа, лобныхъ верхнечелюстныхъ пазухъ и глазъ; онъ дѣйствуетъ раздражающимъ и, следовательно, отвлекающимъ образомъ и усиливаетъ дѣятельность мозга. Острый табакъ причиняетъ воспаление, закладываетъ носъ и располагаетъ къ носовымъ полипамъ, или, раздражая слишкомъ сильно обонятельные нервы, ослабляетъ, а иногда и уничтожаетъ обонаніе. Наконецъ, чиханіе, если оно будетъ сильнымъ и продолжительнымъ, можетъ возбудить омысые приливы крови къ головамъ, а зеринки табаку, попадавая чрезъ заднія носовыя отверстія въ дыхательное горло, производятъ сильный кашель и иногда да-

юнь можетъ служить слабительнымъ и, дѣйствуя посредствомъ наркотическаго начала, усюкопляетъ зубную боль, но только у людей, непривыкшихъ къ его употребленію; также можетъ быть полезенъ въ некоторыхъ глазныхъ и гаторальныхъ болезняхъ, сильно вызывая слезу, самое лучшее средство для промыванія глазъ. Какъ врачебное средство, табакъ можетъ быть употребленъ въ водичку, въ особенности головной, въ обмороки и проч., а какъ наружное средство противъ нахожныхъ сыпей, лишаевъ и т. п.

Важдера.

Рисунокъ этотъ изображаетъ индѣйскую тапповицу, или баджеру, тапповицу съ завязанными глазами между ялицъ. Тапповица этотъ, безъ сомнѣнія, требуетъ необычайной ловкости, и, конеч-

Табакъ.

Какао.

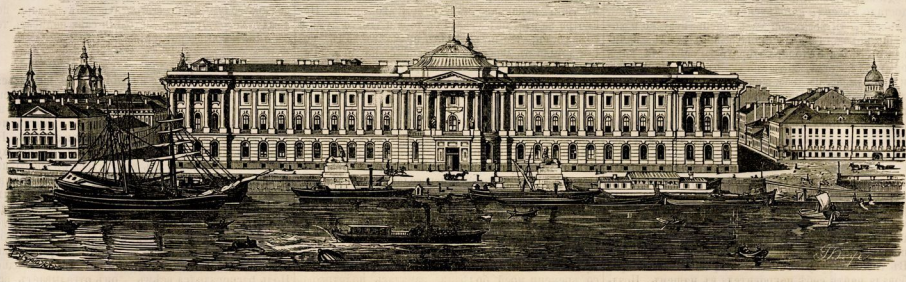
тъ, въ настоящее время, потому рѣдки, что трубка исказила физиономію народовъ. Къ курительному табаку очень часто приравниваютъ песторонія вещества, для приданія ему большаго вѣса, лучшаго дѣйствія, запаха и вкуса. Прямые эти раздѣляются на менше и болѣе вредныя; къ первымъ принадлежатъ: донникъ, листья водосныхъ ореховъ и розъ, картофельная трава и нѣкоторые другіе; къ вреднымъ относятся: листья красавки, бѣлены, ботва и даже опіумъ; она и у привикшихъ къ табаку причиняютъ головную боль и одурѣніе. Всѣ эти приправы имѣютъ еще то свойство, что притупляютъ острою, навоедшее тонноту, свойство низшихъ сортовъ табака и уничтожаютъ землестный вкусъ и запахъ пригорѣлаго масла, свойственные европейскому табаку. Иногда къ табаку приравниваютъ селитру, въ которой газъ, при

же задушеніи; примѣровъ этому можно найти довольно много. Къ нюхательному табаку, какъ и къ курительному, приравниваютъ много пестороннихъ веществъ, изъ которыхъ одни токсъ вредны, а другіе безвредны, если не совсѣмъ, то, вѣстами, неослабляютъ особеннаго пруда. Къ первымъ можно отнести: порошокъ молочка, конского каштана, слюногана, перна и сѣристой соримы; эти вещества производятъ головную боль, одурѣніе и большое раздраженіе. Ко вторымъ принадлежатъ: порошокъ корней прига и фязлогана, цѣтвовъ донника и др. Кроме этого, табакъ окрашиваютъ охрою и антаремъ, приправляютъ солью, напачи-ромъ, даже толченымъ стекломъ. Отъ продолжительнаго храненія въ свиновой оберткѣ, табакъ приобретаетъ вредныя, даже ядовитыя свойства. Что касается дѣятельнаго свойства табака, то

Баджера.

но, поваяка, надѣваемая на глаза тапповрамъ, не совсемъ лишаетъ ихъ зрѣнія. Важдери происходятъ изъ хрещскаго рода и съ дѣтства приучаются служить въ кашняхъ; но главному ихъ обязанностямъ составлять танцы и пѣсни въ честь индѣйскихъ божествъ. Съ восьмилѣтняго возраста, предназначаемы въ этому роду жизни, баджерки отличаются прасотомъ и прекраснѣйшъ тѣлосюженіемъ. Одежда ихъ картинна; перѣло, однако, красныя ялицъ ихъ оканчиваются въ желтый или небесный цѣвъ. Важдери дѣлятся на два класса: одиъ изъ нихъ ведутъ монашескую жизнь и не показываютъ въ свѣтъ, другія, напротивъ, ведутъ очень веселую жизнь и живутъ внѣ святилицъ. Оба класса получаютъ образование у жрецовъ, обучаются пѣсному, чтенію, ругинимъ работамъ, пѣсанямъ, танцамъ, миміи и музыкѣ инструментальной.

7-е декабря 1815 года.

В нынешнем году известный французский живописец Жером прислал на выставку картину под названием «7-е декабря 1815 года». Известно, какому делу занимались перы Франції въ ночь на 7-е декабря. Они судили храброго солдата, оказавшаго отечеству мою услугу и который, избивши однажды Наполеону, снова явился на зов своего императора, когда тотъ прибыл во Францію, чтобъ пропавствовать еще сто дней и удалится на островъ св. Елены, оставя Францію и своихъ друзей на произволъ судьбы. Реакція была страшная и запятала историю. Ней былъ осужденъ на смерть за измену и расстрелянъ утромъ 7-го декабря.

Картина Жерома изображаетъ минуту послѣ расстрѣлянаго маршала. Опрокинутый трупъ лежитъ ничкомъ у стѣны, на которой чья-то рука начертала слова: «да здравствуетъ императоръ!» Солдаты, расстрѣлявшаго своего прежняго начальника, удаляются хладнокровно и машинально, не сдѣлавъ разсудка о томъ, что приказано; только офицеры оглядываются на жертву реакціи и сохвѣтъ его не покойна; они понимаютъ, что не такую смерть долженъ былъ умереть тотъ, кто одержалъ столько блистательныхъ побѣдъ. Эта сцена освѣчена тускло и наводитъ грусть. Картина художника произвела большой эффектъ и толпы тѣснились вокругъ нея, приносяща прощальныя слова и вида поучительный урокъ въ этой трагической сценѣ.

Какао.

Изъ числа полезныхъ растеній, вывезенныхъ изъ Америки, принадлежитъ какао, изъ котораго готовятъ шоколадъ. Дерево, приносящее этотъ плодъ, называется божья-пиха; онъ питателенъ и пригоденъ на вкусъ. Какао растетъ въ жаркой полосѣ южной Америки, гдѣ всегда употребляютъ въ пищу эти бобы. Дерево это похоже на вишневое, только очень гнѣно и требуетъ большого ухода, такъ что возлѣ него всегда кажутся какое нибудь другое дерево, чтобы оно давало тѣнь какао. Цвѣты его красивы и желтизна, плодъ похожъ на огурецъ и въ немъ до тридцати бобовъ. Плоды этого сначала желтый, потомъ красный, когда созреетъ, тогда его снимаютъ, сушатъ на солнцѣ и вынимаютъ изъ шелухи бобы кофеинаго цвѣта маслянистые и вкусные. Изъ нихъ извлекается посредствомъ эфира и спирта какаовое масло, составляющее основное начало шоколада. Бобы собираютъ два раза въ годъ, въ декабрѣ и июлѣ, только второй сборъ не такъ обилитъ. Въ Европу поставляютъ бобы въ шелухѣ. Тутъ ихъ очищаютъ, мелютъ въ порошокъ, мѣшаютъ съ сахаромъ и разными прянощами, какъ съ корицею и ваниллою, потомъ сушатъ все это въ желатиныхъ листовѣхъ, въ формѣ плитокъ; въ Америкѣ събиваютъ шоколадъ молочнымъ и только съ сахаромъ; въ Европѣ примѣшиваютъ къ нему экстрактъ испанскаго моча, арроруту и говьяне желе. Въ Европѣ варятъ шоколадъ, большую часть, на молокѣ, испи-

наивать его и пьютъ горячій; въ Америкѣ онъ притопливается всегда на водѣ и индѣанскіе промазываютъ имъ такъ много и такъ часто, что даже просили у нашихъ развѣщенихъ нѣтъ его въ перьяхъ промазкой службы. Въ Испаніи шоколадъ замѣняетъ шога и обѣдъ и завтракъ, потому что его не пьютъ, то ѣдятъ съ хлѣбомъ.

Въ Европѣ начали употреблять шоколадъ съ 1650 года. Прежде онъ былъ извѣстенъ только какъ лекарство отъ слабости груди; однако, употребленіе его не распространилось въ народѣ, какъ кофе, который пьютъ въ огромномъ количествѣ вездѣ, промѣ Испанію, усвоивши себѣ шоколадъ.

А Д Р І Е Н А.

(ПЕТЕРБУРГСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ).

Часть вторая.

(Обоимъ).

Июль, 26-го апрѣля.

Кажется, мнѣ не убавятъ отсюда, милая Лиза. Я опять слезаю и, несмотря на жаркое солнце и на вѣчно пылающій каминъ, не могу согрѣться. Ты знаешь, что у большаго слуху очень тонко; когда я опять свалилась, Поль нагналъ сюда пропастъ докторовъ и они слушали меня, шутили, осматривали, долго толковали по-латини, потомъ въ другой комнатѣ успокоили муча, говорили, что не вся надежда потеряна. Только старикъ французъ прибавилъ: «Покуда у большаго нѣтъ лихорадки я румяна за нее, если же начнется лихорадка — у насъ нѣтъ никакихъ средствъ къ спасенію». Это сказано было шопотомъ и въ другой комнатѣ, но я слышала. И что же, у меня лихо-

радея, а я не умираю, не боюсь смерти. Мнѣ кажется даже, что я рада умереть молодою и любимою и что болѣзнь не обезобразила меня, такъ что воспоминаю обо мнѣ будетъ сильнѣе и продолжительнѣе. Я очень забочусь о своемъ туалетѣ. Китти наряжаетъ меня каждый день въ бланые пенюэры съ вышивками и кружевами, заплетаетъ мнѣ волосы въ два косы, и вылетаетъ въ нихъ разныя ленты. По временамъ, я чувствую себя совсемъ здоровою, вотъ какъ теперь, могу встать, пройдемъ по комнатѣ, почитать, но вдругъ внутри сдѣлается холодно, зноби начинаютъ стучать, подступаютъ глухой камешъ и кровь покатается скоромъ. Эти мучительныя минуты проходятъ скоро и послѣ нихъ я слабѣю.

Однако, я тебѣ не сказала причинамъ, отъ которой болѣзнь моя приняла такой опасный оборотъ. Я сама виновата въ этомъ, но опять повторю поговорку твою: чего нельзя вернуть, о томъ вѣчно и жалеть.

Я поправилась замѣтно, гуляла по саду, развѣ два катались и Поль научился со мною, какъ съ ребенкомъ, наблюдать, чтобы я была какъ можно покойнѣе, потому что волненія и потрафленія для меня вредны всею. Докторъ позволилъ мнѣ даже понемногу собираться въ путешествіе и Поль похвѣлъ въ наше искусство за какими-то бумагами. Оставшихъ одна, я пошла въ садъ мои рощи, какъ приближалась Китти и сказала, что книга желаетъ меня видѣть, чтобы простилась со мною.

Первою моею мыслью было, разубѣдиться, отказаться, потому что это свидѣніе не могло быть приятно мужу, но потомъ я подумала, что это будетъ неловко, что я, вѣстали, обязана Зинаидѣ, что она, можетъ быть, раскалзала и хочетъ помириться со мною. Какъ я мало знаю знатныхъ барыни!

Зина вошла въ садъ въ сопровожденіи Анны и это уже было мнѣ не очень приятно. Однако, я пошла имъ на встрѣчу и хотѣла протянуть руку, но Зинаида точно нарочно держала въ одной рукѣ зонтикъ, а другою придерживала свое иппное платье и сказала мнѣ всесло:

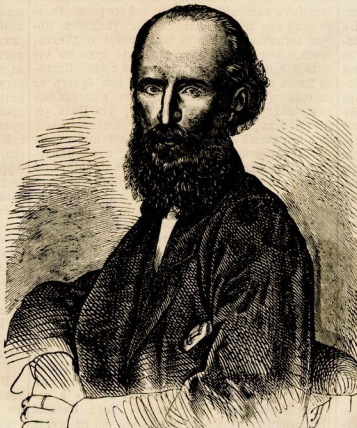
— Да ты совсемъ здорова, Адриена, а мнѣ сказали, что ты при смерти и я хотѣла проститься съ тобою и попросить, чтобы ты оставила мѣ такое нибудь наследство.

Я чувствую, что, передо мною одолзлая женщина, которая пришла не мириться со мною, а оскорбить меня и что она нарочно выждала время, когда я одна. Однако, я и хотѣла ей показать своей слабости и отвѣчала твердо:

— Я и не собираюсь умирать, милая Зинаида. Благодарю тебя за вниманіе, а что касается до моего наследства, ты знаешь очень хорошо, что у меня ничего нѣтъ. — Ужь и ничего, продолжала съ удивленными Анной: — это повѣритъ, что баронесса Штейнъ инеаа...

— Ты устроилась здѣсь очень мило, перебрала съ Зина. — Никакъ я не думала, чтобы ты была такая скрытная, могла такъ долго обманывать.

— Я никого не обманывала, возразила я. — Я хотѣла тебѣ сказать все при первомъ

Владиміръ Мюллеръ

наместь свиданія, но ты сама заставила меня замолчать, потому слышала разговором со мною, а поди концы я была такъ болыта, что у меня не достало бы силъ на объясненіе.

Да, ты вела свои дѣла очень неусою и можешь похвастать, что провела насъ всѣхъ, включая съ бѣданаго Поля, которого ты завлекла, какъ опытная кокетка, хотя знала, что оныя не можешь и не долженъ на тебѣ жениться. А я еще вѣрилась тебѣ, какъ благодородной женщинѣ, какъ сестрѣ...

— Рядъ Бога, Зина, покажи меня, проговорилась я, едва держась на ногахъ: — къ чему эти сны... оны убиваютъ меня.

— А ты не убѣла меня и мохвъ дѣтей? продолжала кинья горячась. — И ты думаешь, что я вѣрно твоимъ припадкамъ? Тебѣ не въ первый разъ размигивать мелодраму! Я пришла къ тебѣ, чтобы сказать, что ты хуже всякой погнѣбной женщины, потому что втерлась въ мое семейство съ послѣднимъ цѣлымъ найми себя выгоднаго жениха. Ты твоимъ трутомъ ишла въпервое, такъ попоробовала найми себя покровителемъ въ нашомъ. Показывало съ побѣдою и желанъ наслаждалась уградимымъ счастьемъ. Впрочемъ, я не вѣрю даже и тому, что оны женился на тебѣ. На такихъ женщинахъ не женятся порядочные люди.

Это было уже слышномъ. Я хотѣла тоже высказать ей, что она эгоистка, дурная жена, злая мать, но силой выжили мнѣ. Сильная боль въ груди заставила меня вскрикнуть. Вѣрно я была очень жалка, если Аглая, эта пустая женщина, испугалась и, взявъ за руку Зину, хотѣла ее унести, но та не замѣчала ничего и продолжала осыпать меня упреками и проклятіями. Только я уже ничего не слышала. У меня закупорился голова, я хотѣла ружьёмъ удариться за дерево, но рука скользящая по стволу и я упала на мои бѣдныя ноги. Зина и Аглая выбѣжали изъ сада и послѣднимъ моимъ сознаниемъ была смѣхъ этихъ женщинъ. Боже мой! несли они раздалась, какъ ублажила меня?

Мнѣ сказали, что я была занята, меня въ саду безъ чувствъ, спрыснули, но у меня была и мѣдуна, помята, какая сцена происходила между нами. Однако, когда я очнулась, оны даже не поменяли мнѣ объ этомъ, не побрались меня за неосторожность и только стали нѣжить и внимательнѣе. Когда оны выходили изъ моей комнаты, Китти декуртитъ возль меня. Яговѣ стоить въ другой комнатѣ и никто не смѣетъ войти ко мнѣ, промѣ доктора. Когда я усну; никто въ домѣ не смѣетъ пошевельнуться; только в снѣхъ очень мало и болыше часто притворяется, что спитъ, чтобы успокоить мужа. А вѣдь это будетъ для него сильный ударъ, если я умру. Оны такъ любятъ меня. Я еще не успѣла уже надобѣтъ! Впрочемъ, горе мужчине не вѣчно. Оны любятъ до меня, полюбятъ и послѣ и эта мысль не распространяетъ меня, надеждѣ, а это такъ дѣлать, что не желала бы, чтобы оны долго меня оплакивали. Пусть оны уйдутъ скорѣе. Жинны должны жить не для мертвыхъ... Да что это я хорону себя! Доктора часто обманываютъ... можетъ быть, я и поправлюсь. Въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ еще теплѣе и я согреюсь, начну купаться въ морѣ, стану гулять по горамъ и окрѣпну... А теперь перо вываливается изъ рукъ... Я должна отдохнуть повмѣсто... Китти ужь ворочитъ на меня, что я долго сижу. Пора лечь. Неужели, Лиза, мнѣ надобно сказать тебѣ прошая, надобно проститься со всѣмъ и со всѣми! Сколько есть людей несчастныхъ, безполезныхъ, даже вредныхъ, которые живутъ, сами не зная для чего; просто, какъ говорится, копятъ неволю, а я еще такъ мало жила, такъ мало наслаждалась счастьемъ... зачѣмъ мнѣ умирать? Однако нашъ знакомый говоритъ, что умирать только людямъ безхарактернымъ и что надобно имѣть твердую волю, чтобы прожить сколько угодно, хоть Мауссонъ годъ. Столько я не хотѣла бы, но еще несколько дѣтъ... можетъ быть, у меня была бы дѣти, такія здоревенія, какъ твои... тогда я бы захотѣла прожить столько, чтобы ихъ воспитать, пригрозить; потому захотѣла бы быть бабшкой. Словомъ, желаніемъ нѣтъ конца. Однако, пора перестать фантазировать. Обнимаю тебя крепко... вспоминай иногда твою несчастную, но въ то же время и счастливую Адриену.

7-го мая.

Я еще жила, милая Лиза, хотя пишу тебѣ не сама. Мнѣ запрещено писать и я написала съестъ парочку, который, пожалуй, напишетъ тебѣ не то,

что я дѣлаю, но на которого я не могу сердиться. Поля знаешь, что ты мнѣ довѣряешь, что ты знаешь всю исторію моей любви и всегда была противъ неравнаго и невозможнаго брака. Несмотря на это, оны угадываетъ тебѣ и твоего мужа и சொлжаетъ, что не прѣхалъ право къ намъ, когда я была въ деревнѣ и не женился на мнѣ. Раздѣлается, меня было бы говорить не трудно, потому что у меня не достало бы силъ бѣжать отъ него во второй разъ, а тебѣ и твоимъ оны поправились бы тотчасъ. У него талантъ очаровывать всѣхъ. Тѣтя и Иванови просто безъума отъ него... Мой секретарь отказывается писать похвалы про себя и я поневолю должна переименить разговоръ. Какая здѣсь чудная погода! Какъ хороши воздуха! Однако, всѣ иностранцы переселяются отсюда, кто въ Швейцарію, кто на германскія воды, а болына часть торнется въ Парижъ. Я то же захотѣла бы въ этотъ городъ, который притягиваетъ всѣхъ, но это желаніе надобно отложить. Впрочемъ, я знаю Парижъ по разсказамъ Поля и сейчасъ же хочу въ этотъ мѣсяцъ ѣхать. Вообще, что въ настоящее время болынаго замалось политикомъ. Романы и повѣсти невольно распространяли меня, потому что всѣмъ описываютъ любовь и страданія. Сервіанія и учебныя книги утомяли меня, такъ мужа вздумалъ заинтересовать меня политикомъ. Оны началъ объяснять мнѣ въ мѣдуномъ тоиъ всѣ вопросы, волнующіе Европу, представилъ борюбу интересъ и честнойю, провѣлъ черезъ всѣ событія идей прогресса и меня знала политика до того, что я съ нетерпѣніемъ жду журналовъ и внимательно слушаю, какъ Поля читаетъ мнѣ переводы статьи, вставляла свои замѣчанія. Презде, я смѣшалась надъ женщинами, которые мѣшались въ политику, а теперь нахожу, что гражданскій, жевъ и матери необходимо знать, что дѣлается на ономъ свѣтѣ и въ чомъ принимаютъ участіе ее мужъ, отецъ, сынъ. Ты подумайся, что я записываю немалое съ моимъ секретаремъ, но надобно же кому-то дѣлать замѣчанія, мой другъ. Поля воображаетъ совершенно напрасно, что я ужасно скучаю и не знаю, что придумать, чтобы занять меня. Оны выписываютъ множество поѣтъ и играютъ мнѣ по цѣлымъ часамъ; но замѣтъ, что музика производила на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе, рѣдко открывала роль. Иллистрированныя изданія у меня цѣлая комната и я, какъ ребенокъ, рассматриваю картинки, смѣюсь надъ карикатурами. У насъ бѣднѣе часто, промѣ доктора, хозяинъ вылилъ съ своею хорошею женою болтовню которой удивляетъ меня. Она плохо образована, какъ всѣ француженки, но добра, услужлива и готова тратить цѣлый день. Была у меня еще таложная музика. Мисъ Смитсонъ приходила проститься со мною оны, Зина не пустила дѣтей, боясь, что они заравлятся. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что захотѣла пригнѣпца, и только Поля смѣется, какъ я это провѣтъ не оставалась воемъ мнѣ и убѣждать, что все это бредни, что у меня совсемъ не хочется, а упадокъ силъ вслѣдствіе сильныхъ волненій. Пожалуй, мнѣ все равно, только силъ мои не поднимаются, а все упадетъ. Добрая англичанка обѣщала мнѣ писать о дѣтяхъ, просила меня и мужа дать ей знать, куда мы отсюда поѣдемъ. Я, разумеется, дала слово. Книжна дѣдетъ на мѣсяцъ въ Парижъ, дѣтъ будетъ ей свадьба съ разорившимся фантомомъ, а оттуда молодые поѣдутъ на воды. Хорошо, что Поля услышала такъ, что состояние дѣтей неприспособлено и что новый онекутъ человѣкъ честный и твердый. По духовной покойнаго жена, мужа Зинаданъ, она не можетъ провалить своихъ имѣній, стало быть, ее прекрасный супругъ обманѣе немного въ расчетѣ. Возь съ нею! Я не зала на эту женщину и не желаю ей несчастья. Она же слишкомъ терпѣлива при первомъ неудачѣ, потому, жинны слышомъ поблудала, что она не расстается на попутномъ, но мудро, что когда дѣла пошли не такъ, она желала, то она сдѣлалась злою и несправедливою.

Когда-нибудь, можетъ быть скоро, она покажетъ сама обо мнѣ, потому что она, встанетъ добра во мнѣ и когда-то была привязана... Мой секретарь не хочетъ писать про киньяно. Что мнѣ съ нимъ дѣлать! Оны говорятъ также, что я утомилась диктовать, что мнѣ надобно отдохнуть. Поневолю слушаешься, когда не можешь противорѣчить. Я помню, какъ даювъ провозгласилъ мнѣ у самого уха: «Лиза да повинуется мужу» и поэтому боюсь быть непослушною. Тебѣ Васильи Петровичъ не разъ напоминалъ это, но ты всегда отбѣчала ему: «Я этого не слышала». Не мѣдуно,

что ты не слышала даже, какъ гранулы: «Исаи, я живу». Но пора кончить... Прощай, моя любимая Лиза, мой лучший другъ; мнѣ случило диктовать, а должна обдумывать, что писать тебѣ. Теперь поѣду, когда буду въ состояніи сама написать тебѣ по моему выдвореленію. А.

23-го мая.

Все конечно Лиза; я не могу даже надѣяться. Смятеніемъ сейчасъ вышлетъ отъ меня разстроеныи, Поль куда-то спрыснулся, чтобы плавать въ свободѣ. Я осталась одна; привязала Китти шадъ мнѣ бѣловаръ и пишу тебѣ карандашомъ. Не знаю, воймѣны ли ты мои каракалды, но мнѣ хочется въ послѣдній разъ проститься съ тобою, поучить тебѣ мою тѣту. Ты сбѣжала въ май въ Петербургъ... утѣшь ее, когда она узнаетъ... что въ Ницѣ не выключаются отъ чашетки. Уговорѣе съхвать съ тобою въ деревню. Тамъ она развѣчается и поправится скорѣе. Попросятъ отъ менъ Ивановыхъ не оставаться съ... я не могу имѣть счастье. Тѣтя обещаетъ и можеть сама поблудѣть. Поля исподволь вслѣмъ... оны оттаиваютъ, но мой желаніе. Отчего это я знаю, что должила учить, тогда какъ всѣмъ захотѣние до самого конца надѣяться и не сознавать своего положенія. Правда, а прочитала много медицинскіхъ книгъ и знала всѣ признаки мой болѣзни, но я не бѣтъ того знала, что не долго проживу. Когда у меня показались кровь горломъ, вслѣвъ постѣ отъзда Поля, я убѣдилась, что осуждена и никакъ выздороветь, никакъ лекарства не спасутъ меня... мнѣ жалъ Поля... жалъ жинны, но мнѣ кажется, что счастье мое не могло бы продолжаться имѣть. Подъ любите меня, но оны обаятъ жить не для одной мѣны. Оны вприсъ въ высшемъ кругу, связанъ съ многими знатыми семействами; ему поучаютъ лажина дѣла. Какъ бы меня приняла въ этомъ обществѣ? Какъ бы я уклалась въ немъ? Судъ по образцамъ знато, съ которыми я имѣла свиданіе, съ ними муздно сойтись, а у меня такая страстная впечатлѣтельная характеръ. Вѣрно спрашивается послонца: «Что въ свои сна не садѣтъ... а слѣва и выиналса...». Но это? еще дель, а мнѣ кажется, что темно... Какъ мнѣ тяжело... я не чувствую ногъ... руки начинаютъ холодѣть, въ груди дель... прошая... я хотъ... жинны... свѣта...

25-го мая.

Милостивая государыня Лизавета Матвѣевна. Я наконецъ постѣ смерти жени это письмо, начертанное ружьёмъ умирающаго. Это усиліе истощило ее послѣднія силы. Когда я вошлъ, старелся скрытъ мое отчаяніе, она уже не могла выдержать мнѣ и чудные ее глаза смотрѣли на меня, хотя, кажется, уже не видѣли меня. Я обратился къ доктору, но тотъ поавалъ плечами, какъ бы говоря, что оны тутъ ничего дѣлать и старелся отвести меня отъ постели... Я не хотѣлъ разсказывать съ моею Адриеню до послѣдней минуты и меня оттачивала только, когда надобно было ее одѣвать и положить въ гробъ. Мои друзья дѣлали всѣ распоряженія, хлопотали о похоронахъ, а я все еще не могъ омынѣться, не могъ понять, что она оставила меня навсегда. Зачѣмъ я встрѣтился съ нею и погубилъ ее! Она бы жила темер! Но что говорить о безвозвратномъ! Она вѣлѣла мнѣ жить, она простила всѣмъ, кто дѣлалъ ей зло и я имѣла право мстить. По мнѣ опротивило это общество, гдѣ моимъ безназначаніемъ чуждыя челоѣва и убить его и я удаляюсь отъ него навсегда. Я ѣду въ Африку съ оневою эквепедицею и нарядъ ли скоро вернусь. Дикая природа, опасности, трудъ, раздѣлаетъ меня, помогутъ перенести мое горе... Какъ она была хороша въ гробѣ, всѣ повирята цѣпями. Я слылъ съ всею масу и заважалъ боствъ въ памятникъ, на которомъ будетъ одно слово: «Адриена». Если я возвращаюсь, то буду доживать здѣсь остатокъ дней. Въ Россіи мнѣ нечего дѣлать.

Я сдѣлалъ всѣ распоряженія, исполнилъ всѣ желанія Адриенъ. Я отослалъ часть ее вешей Аннѣ Ивановнѣ; послала и намъ бездѣлки, которыя она назначала намъ и нашимъ дѣтамъ. Она не забыла ничего и просила даже обещать Матрену, что я исполню.

Ви не любилъ меня, Лизавета Матвѣевна, но я уважалъ васъ и радъ, что хоть съ вами могу поговорить обо Адриенѣ, которую вы любилъ, какъ сестру. Ваша дѣтская дружба была непритворна, не то, что дружба киньяни, которая любила только

себя. Но я не хочу вспоминать о ней. Прощайте, доброй ночи моему Адриену, не поминайте плешь несчастного

III. Ш.

Ф. 3-а.

ИЗЪ ДОМА ВОНАПАРТЕ.

(Исторический рассказъ).

II.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ прошестныхъ, живописцевъ Робертъ получилъ отъ герцога и статс-секретаря Консалди дозволеніе посѣдиться въ баню, Дюллетана. Тамъ онъ устроилъ обширную мастерскую. Эти бани еще и въ шестъ двадцатомъ лѣтъ доставали матеріалъ для постройки множества церквей.

Удужинный сборъ позависалъ за деньги отъ украшения мастерской, состоявшемъ изъ одного дряннаго стола и кровати. Впрочемъ, Робертъ проводилъ свои дни на обширномъ дворѣ, подъ покровомъ неба Итали, срисовывая съ неутомимымъ трудолюбіемъ фигуры своего оригинальнаго міра.

На опрокинутой колоннѣ сидѣлъ Франческо со своею женою, Маріей Грація, и сестрою Терезиною, которая получила дозволеніе остаться съ бандитомъ.

— Въды ты, Франческо, срисовалъ Робертъ: — обидѣлъ мнѣ рассказать, какъ попалъ въ число разбойниковъ.

— Это очень печальная исторія, синьоръ. Винов всего моего несчастія пролягала вендета.

— Которую добрый христіанинъ долженъ отвергнуть.

— Да, это мнѣ говорилъ и мой духовникъ; но что же намъ дѣлать? Пролитая кровь требуетъ мщенія, и если мы не отмечаиваемъ, всѣ товарищи презрѣютъ насъ.

— На это есть судя.

— Судя! возразилъ Франческо. — По что вѣрить своимъ чувствамъ, которые гоняутъ даже своего собрата? Убійца моего брата былъ богатъ. Я подкараулилъ его и застрѣлилъ. Между нами это не называется убійствомъ, а несчастіемъ. Конечно, съ тѣхъ поръ меня преслѣдовала тѣнь убійца. Я бѣжалъ въ горы и собири попался за мнѣю. Тогда я присоединился къ шайкѣ Гаспароне.

— Ну, а до совершенія своей вендеты, чѣмъ ты былъ?

— Я былъ егеремъ, и всѣ довольны были моимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ.

— Знать, изъ тѣхъ можно бы сдѣлать порядочного чина.

— Для меня нѣтъ никакой помощи. Вендета не погасаетъ.

— Она требуетъ примиренія, сказала Марія Грація: — между нами одна только Терезина могла бы сдѣлать это. Ей надобно отдать руку брату убійца, и вендета будетъ смирна.

— Ни за что въ свѣтъ! вскричала Терезина.

— Отчего же ты такая несогворична, спросилъ Робертъ, но вида, что она, вмѣсто отвѣта, продолжала только рыдать, прекратилъ вопросы и работу на этотъ день.

На другое утро Терезина явилась опять въ мастерскую Роберта и просила у него прощенія за свою вѣзвину.

— Отчего тебѣ не нравятся твои женихъ? спросилъ Робертъ.

— Матіасъ Каунти слишкомъ богатъ и зовъ. Я его терпѣть не могу. Видъ, посмотрите, какъ они величаво надуровалъ. Тутъ она показала ему на виски знакъ отъ удара. — Мнѣ было восемь лѣтъ, а ему двѣдцать, когда произошла между нами вендета. Онъ спаралъ въ кусть и бросилъ оттуда въ меня камень. Я упала, залившись кровью, а онъ захохоталъ и убѣжалъ.

— Но въ эти годы мальчикъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Дѣтскій проступокъ можно прощати.

— Нискогда, сказала Терезина. — Ко мнѣ привастишь всѣ мои родные, но я ни за что не согласна.

— Вотъ и въ теперя, какъ добры ко мнѣ, и я хочу остаться съ вами и служить у васъ.

— У меня слухать? Но подумай, это повредитъ твоему доброму имени.

— Кому какое дѣло, лишь бы мы не отказались взять меня.

— Хорошо, я подумамъ и поговорю съ твоими родными, и если они будутъ согласны...

— Вы такъ чудно назвали наши портреты, что у насъ недостатокъ словъ для благодарности.

Исторія работа Роберта была окончена и онъ отправилъ ее отцу Терезини. Франческо проводилъ его и сказалъ: «Бѣги ко-нибудь изъ нашихъ бандитовъ вамъ встрѣтитъ, позавите мое имя и покажите эту монету». Призвонъ, онъ подаль Роберту старую монету, въ видѣ продравленнаго креста.

Художникъ отправился въ горы. Терезина подслѣдовала за нимъ.

— Каковъ величавое мѣстоположеніе, сказалъ Робертъ.

— Да, отвѣчала Терезина: — вотъ Фраскати, вотъ гора Феррата, а вотъ и башни Кастелъ-Гандольфо.

— Мнѣ хотѣлось бы срисовать этотъ видъ.

— Нѣтъ, а лучше поведу васъ подѣ тѣни, гдѣ развалины старинной капеллы.

Дѣйствительно, тамъ пейзажъ былъ еще красивѣе; внизу былъ водопадъ.

Привавъ своихъ муловъ къ дереву, они остановились у капеллы, и Робертъ срисовалъ ее:

— А что, здѣсь теперь не слышно о разбойникахъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ Гаспароне казненъ, а товарищи его въ тюрьмѣ, здѣсь, кажется, все безопасно.

— Впрочемъ, у меня есть талисманъ Франческо.

Взвругъ, въ эту самую минуту, раздался крикъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, и первымъ движеніемъ Роберта было поспѣшить на помощь къ тѣмъ, кто кричалъ.

Это были разбойникъ; услышавъ шаги, они остановились, только что связавъ молодого чело-вѣка, въ окочиненъ одеждѣ, и направили ружья въ грудь Роберта. Но Терезина бросилась впередъ и предостерегъ бандитовъ, узнавъ ее, вскричалъ:

— Зачѣмъ ты сюда пришла, кто твой папа?

— Бергерисъ, Чезаре, отвѣчала она. — Это дуртъ Франческо и свободныя грестовому монету.

— Ну, такъ пусть онъ идетъ своимъ дорогомъ. Намъ не нуженъ и женихъ его, ни его деньги. А вы, синьоры, не хитрите! впередъ въ чужія дѣла.

— Этого мало. Я требую, чтобъ въ освободили нашего плѣнника, сказалъ Робертъ.

— Неслы. Это богатъ, съ котораго мы возимъ мехъ хромъ.

— Тогда я раздѣлю его участь и останусъ у васъ.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше заступничество, сказалъ плѣнникъ: — но, впрочемъ, надѣюсь, что эти люди будутъ съговорены.

— Есселенца знаетъ, конечно, събѣ дѣлу, сказалъ разбойникъ. — Дождемъ тыши чернотенъ, мы не можемъ отпустить васъ, учтиво отвѣчалъ атаманъ.

— Я дамъ вамъ теперь сто червонцевъ, и еще 50 за свои саки, печатъ и бумажникъ. Если вы доворьны, то управителю дѣдъ заплатить вамъ все сумму.

— Но кто вамъ поручится за эту уплату?

— Слово джорнана, отвѣчалъ молодой человекъ.

Разбойники начали между собою совѣтоваться, а Робертъ подождалъ къ плѣннику. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ 19-ти, съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами; въ ладѣ его было много ума и доброты.

— Какъ вы попали въ руки этихъ разбойниковъ? спросилъ Робертъ.

— Но любилъ къ искусству, отвѣчалъ незнакомецъ. — Я былъ на охотѣ, бѣжалъ Фраскати, у моего дѣда, у котораго вилла по названю. Мнѣ повинилось мѣстоположеніе и я началъ его срисовывать, какъ вдругъ эти люди сдѣлали на меня нечаянное нападеніе.

— Такъ вы живописецъ? спросилъ Робертъ.

— Радусъ, что могу услужить собрату.

— Я только слабый дилетантъ въ искусствѣ, но люблю его болѣе всѣхъ другихъ отраслей человѣческихъ познаній.

Въ это время Терезина на непонятномъ языкѣ говорила съ разбойниками и съ жаромъ запыкала Роберта.

— Дѣлать ничего, надо согласиться съ нею, сказалъ Чезаре. — Мы примичаемъ ваше предло-женіе—привавъ онъ, обратясь къ плѣннику. — Къ часу Ave Maria пусть управителю приве-

стеть сюда деньги. Если они этого не исполняютъ, вы знаете, что мы васъ вездѣ найдемъ и отнимемъ. Вѣсѣтъ съ тѣмъ, возвратилъ онъ плѣннику саки, колдиръ и бумажникъ, Робертъ съ плѣнникомъ отправилась вмѣстѣ домой.

— Не знаю, какъ выразитъ вамъ благодарность за вашу помощь. Позвольте узнать, куда вы теперь отправляетесь? спросилъ незнакомецъ.

— Въ Соннио, гдѣ пробуду нѣсколько дней.

— Я хотѣлъ бы васъ познакомиться съ моими родными. Позвольте узнать ваше имя.

— Я живописецъ Леопольдъ Робертъ.

— Имъ, конечно, мнѣ позволите назвать васъ въ Римѣ, въ вашей мастерской. Я силюсь гравировать Сен-Ле.

Племянникъ императора Наполеона! вскричалъ Робертъ.

— То-естъ, бѣдный изгнанныкъ, Наполеонидъ, отвѣчалъ тотъ съ горькою улыбкою.

Владиміръ Моцковскій.

Владиміръ Моцковскій родился въ Варшавѣ 10-го апрѣля 1827 года. Онъ самою раннею возрастомъ началъ отвезать родителямъ въ Краковѣ, гдѣ кончилъ курсъ наукъ гимназическихъ, философскихъ и юридическихъ, подѣ надзоромъ отца Альфреда Моцковскаго, чело-вѣка искренно преданнаго наукѣ и потому имѣвшаго сильное вліяніе на образованіе своего сына.

Молодой Моцковскій съ юношескимъ рвеніемъ предавался изученію литературы и съ особенностію твореній Байрона и Саваокаго. Изученіе этихъ писателей нѣко послѣдствіемъ, что Моцковскій уже на 20-мъ году отъ рожденія подверженъ былъ чрезвычайно грустному и тоскливому направленію, и перешутившею родителю отправилъ его, въ 1847 году, для переименъ мыслей, въ Дрезденъ.

Здѣсь Моцковскій болѣе не болѣе полугодомъ, занимаясь преимущественно наукамъ математическимъ; тутъ познакомился онъ съ Карломъ Линнскимъ, швейцарскимъ скрипачомъ, и семействомъ его, и проводилъ съ ними почти все свободное время.

Въ 1848 году, побывавъ въ Парижѣ, онъ вернулся на родину и въ 1849 г. опредѣлился на службу въ правленіи грабубачъ. Цѣ и на службу оставался онъ нѣдолго и въ 1850 году вѣхалъ въ Львовъ, гдѣ началъ събѣ занятія сперва въ обществѣ агрономическомъ, а затѣмъ, въ 1851 году, въ мѣстномъ кредитномъ обществѣ. Въ Львовѣ жилъ онъ у бабки своей Бордеской, женщины, обладавшей огромнымъ состояніемъ и связями, но поворотомъ общественной жизни не увлекъ его, и онъ въ Львовѣ продолжалъ жить такимъ же затворникомъ, какъ и въ Краковѣ. Возвративъ събѣ въ особенностію изученію наукъ экономическихъ, онъ занимался переводомъ сочиненій Юлія Фрѣбеля и Вланки.

Постоянные научные труды Моцковскаго имѣли гибельное вліяніе на его здоровье; растроенію его замѣтно было еще въ Краковѣ, но тогда медицинская помощь необходима болѣвья. Въ Львовѣ онъ снова сталъ хворать и одинъ его замѣтно слабѣлъ.

Наука събѣ Моцковскаго не вѣхалъ, и только за два дѣла до смерти поучилъ, по кончѣи бабки, огромное состояніе. Книжку въ Варшавѣ Польскомъ мѣстечко Куяви за 350,000 злотыхъ, Моцковскій покупалъ Галицію и надѣлся поправить совершенно растроенное здоровье, вѣхалъ заграничу, но уже было поздно, и 21-го сентября 1861 года онъ умеръ въ Вроцлавѣ.

Владиміръ Моцковскій не оставилъ послѣ себя замѣчательныхъ научныхъ трудовъ; все живя трудился онъ собственно для науки, не имѣя дѣлать ни славы, ни денегъ; родственники уже по смерти его собрали нѣкотораго его рукописей для напечатанія, и, между прочимъ, переводъ сочиненія Фредерика Васта: «Кубень и хлѣбная лѣна».

Но, не оставивъ трудовъ печатныхъ, Моцковскій оставилъ послѣ себя другаго рода памятъ, не мѣние почетную заимчиваіемъ своимъ, писаннымъ 1-го февраля 1861 году, за семь мѣсцевъ до своей смерти. Онъ оставилъ все свое огромное состояніе, доставшееся ему отъ бабки на учрежденіе стипендій (въ 2,000 злотыхъ каждая) для недостаточнаго молодежи, учащейся въ варшавскомъ университетѣ, назначивъ исполнителемъ своей послѣдней воли престоарѣла отца своего. Воля покойнаго исполнена въ точности и учрежденія имъ стипендій существуютъ до настоящаго времени.

Источник Терезы.

Карлсбадъ.

Представляемъ еще нѣсколько видовъ Карлсбада, въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ 37-мъ № нашей газеты. Карлсбадъ выстроенъ на тонкой земляной корѣ, подъ которою находится винный котель. Горячіе источники прорыли и теперь еще прорывають мѣстами эту кору, такъ что се укрѣпляютъ каменными глыбами и толстыми досками тамъ, гдѣ угрожаетъ опасность. Земля, на которой стоятъ городъ, такъ тепла, что на ней не держится снѣгъ, хотя зимы въ Богеміи довольно суровы. При нѣсколькихъ градусахъ мороза, снѣгъ таетъ и стекаетъ въ рѣку, которая также никогда не замерзаетъ. И чтобы минеральные источники не промывались подъ дома и не причиняли несчастій, мѣста, гдѣ они вытекають, стараются расширить, чтобы вода не засорилась и имѣла правильный выходъ. Въ 1711 и 1727 году, новые источники

произвели большія опустошенія и съ тѣхъ поръ приняты предосторожности, изучена мѣстность и положене подземнаго котла. Впрочемъ, размасливаніе нельзя было продолжать, потому что при бурявленіи земли для уланія толщины коры, изъ отверстія устремилась такъ сильно горячая вода, что сдѣла не затопила весь долинку.

И на этой-то опасной мѣстности построены хорошенекій городокъ и въ него стечаются со всѣхъ сторонъ больные, чтобы возобновить свои силы, возратить утраченное здоровье. Восемь источниковъ употребляютъ для больныхъ; но, кромѣ того, множество ручейковъ изъ того же резервуара проведены въ дома и температура ихъ не одинакова, потому что въ каждой струѣ минеральныхъ примѣсей бываетъ больше или меньше. Рѣка Телша постоянно довольно тепла, отъ горячаго дна и береговъ, и въ Карлсбадъ не легко найти холодной воды въ жаркое время. Впрочемъ, есть одинъ ис-

Запа дружбы.

точней холодный, только въ немъ вода совершенно пхсла.

Источники Терезы и запа Дружбы въ Карлсбадѣ.

Въ Карлсбадѣ каждый источникъ имѣетъ свое названіе, точно такъ же, какъ каждый отель и домъ для собраній больныхъ. Кромѣ главнаго источника, называемаго Шпрудель, есть Мольбрунненъ, Шлосс-брунненъ, Фельзенбрунненъ, Заурингъ, источникъ Терезы.

Надъ источниками Терезы возмашается красивыя навѣшныя, поддерживаемыя колоннами. Они находятся на скатѣ горы, посреди пустога мѣста и сюда съходятъ больные отдохнуть въ тѣни и выпить нѣсколько стакановъ горькоосоленой воды. Эта бѣсѣда очень красива въ общемъ пейзажѣ.

Запа Дружбы въ Карлсбадѣ принадлежитъ къ красивѣйшимъ зданіямъ города. Оно прислѣновъ въ высокой горѣ, на которую предпринимается часто прогулки и отсюда видъ незаболѣнный. Въ западѣ Дружбы бывають собранія больныхъ, которые не отказываются отъ развлеченій, напротивъ, стараются провести время леченія какъ можно веселѣе.

Рыночная площадь въ Карлсбадѣ.

Карлсбадъ принадлежитъ къ красивѣйшимъ городкамъ, замѣнительнѣй водами и хотя подземные горячіе источники поднимають его и угрожаютъ когда-нибудь прорваться и уничтожить всѣ труды челоѣва, но онъ отстраивается и украшается для бѣднѣешихъ гостей, посѣщающихъ его ради здоровья.

Улицы не вездѣ бывають опрытны, потому что невозможно поминуту убирать соръ отъ провинціи, зелени, но въ Карлсбадѣ рыночная площадь такъ чиста и красива, что служить мѣстомъ мѣтлово для закупаю, но и для гулянья.

Площадь окружена домами старинной архитектуры съ башнями и мѣльными окнами. Красивый монументъ возмашается въ одномъ концѣ и въ тѣни его играютъ дѣти, отдыхаютъ взрослые. Шароны, чистыя улицы примыкають къ рынку и по нимъ направляются гуляющие и цѣлыя кавакалды.

Колонада въ Карлсбадѣ.

Для больныхъ и выздоравливающихъ необходимы развлеченія и, главное, прогулки, которыя были бы не утомительны. Вотъ для чего устроена въ Карлсбадѣ крытая галерея, по которой плыве воду могутъ прогуливаться даже въ дождь и наслаждаться прераснымъ видомъ на рѣку и противоположную часть города. Тутъ сдѣланы лѣсенки, переходы, дорожки на гору, бѣеки для отдохновенія, словомъ, придумано все, для полнаго комфорта и разнообразія.

Тутъ можно встрѣтить всѣхъ пріѣзжихъ въ Карлсбадъ, потому что тутъ собираются въ нѣѣстные часы всѣ больные, которымъ необходимъ моционъ послѣ приема водъ изъ какого-нибудь источника.

Послѣдній экспедиціи къ северному полюсу.

Съ тѣхъ поръ, какъ нарѣ проложили пути черезъ горы и моря, а релымъ обхватили громадную просторность, мы привыкли думать, что челоѣвъ обладаетъ всѣмъ земнымъ богатствомъ и знаетъ всѣ его углубы. Однако, во временахъ, составляются планы большнхъ и дальнихъ экспедицій и напоминають, что челоѣвъ еще многого не знаетъ. Внутренность двухъ большнхъ континентовъ еще остается тайною и оконечность земнаго шара, оба полюса, гдѣ день и ночь дѣлаетъ годъ на дѣй равныя половины, остаются неизвѣданными. Современемъ, конечно, узнають и полюсы, но цѣною большнхъ усилій и жертвъ. Тутъ дѣло идетъ не о золотыхъ рудникахъ, не о завоеваннхъ плодородныхъ странъ, а о борьбѣ съ невѣстнмъ, о побѣдѣ челоѣва надъ природою. Это достойная цѣль и всѣ народы могутъ стремиться достигнуть ее.

Много было дѣлано попытокъ добраться до полюсовъ. Много мореплавателей погибло во льдахъ или вернулось, встрѣтя непреодолимыя препятствія, но въ результатахъ экспедицій виднѣя прогрессъ, такъ что надѣются на возможность полнаго

Видъ Карлсбада съ Телшиной долины.

устья. Кукъ вернулся изъ военныхъ морей съ полною уверенностью, что на одинъ корабль не дойдетъ дальше 71 градуса, но Ведель дошелъ до 74, а Россъ проникъ черезъ льды до свободнаго моря и достигъ 78 град. южной широты, даже безъ помощи пара. На сѣверномъ полюсѣ открытія Парри, Кена, Гейсса отодвинули еще границы известнаго и подали надежду, что арктическія страны скоро откроютъ намъ свои тайны. Въ послѣднее время составлено много проектовъ экспедицій въ полярныя и изъ нихъ самая замѣчательная предпринята англичаномъ, капитаномъ Шерардъ Осборномъ и нѣмецкимъ ученымъ А. Петерманомъ. У каждого свой планъ и свои убѣжденія; третій ученый, Густавъ Ламберъ, предлагаетъ еще третій способъ достигнуть полюса.

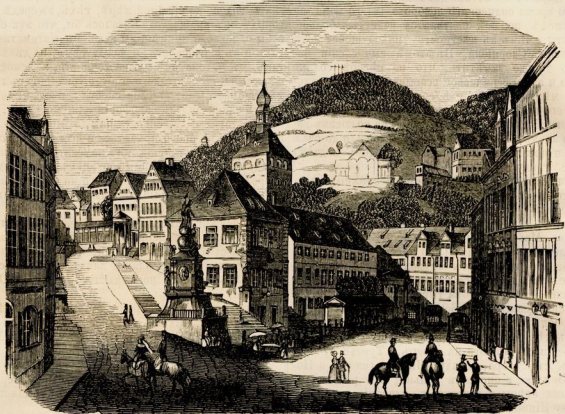
Капитанъ Осборнъ убѣжденъ, что сѣверный полюсъ состоитъ изъ ледяной коры, треснувшей мѣстами, но при наступленіи большихъ холодовъ даже трещины замерзаютъ и представляютъ сплошную массу. Слѣдуетъ быть въ большаго пространства воды, видныя Мюромъ и Гейссомъ, сѣверо-западъ въ полярное море на сѣверѣ Сибири, о которомъ говоритъ адмиралъ Врангелъ, не существуютъ въ нѣкоторая времена года и достигнуть полюса можно только на саняхъ. Капитанъ Осборнъ отправился изъ Англии съ двумя кораблями и 120 человекъ экипажа. Они оставятъ одинъ корабль и 25 матросовъ на мѣстѣ Изабеллы, а съ другими достигнуть до мыса Парри. Обезпеченный въ убѣжденіи на случай несчастья, онъ выберетъ самый сѣверный и испытанныхъ товарищей и въ февралѣ отправитъ имъ дѣла. Пространство отъ мыса Парри до полюса пятьсотъ миль, то-есть, тысяча миль въ оба конца, и капитанъ Осборнъ надеется исполнить это путешествіе въ шестьдесятъ дней, дѣлая по десяти миль въ сутки. Англійское адмиралство приняло очень благопріятно этотъ проектъ, но докторъ Петерманъ представилъ другой, основанный на существованіи открытаго моря у полюса, и мнѣнія англійскихъ моряковъ раздѣлились.

Дать путь Петерманъ думаетъ, что у полюса состоитъ море, то-есть, экспедиція на саняхъ неострестима. Въ 1827 году Парри предпринялъ такую экспедицію, но льдина, на которой онъ былъ, унесла его къ югу, а не къ сѣверу. Вотъ почему Петерманъ убѣжденъ, что можно достигнуть полюса только моремъ, когда расколоты льды. Слѣдуетъ направленно теченія теплыхъ водъ, окружающихъ сѣверъ Европы, онъ хочетъ направить корабли между полюбными льдами у Шпицбергена, потому что съ этой стороны встрѣча ледяныхъ горъ не такъ опасна, такъ въ проливѣ Смита. Но этому пути онъ надеется найти море свободнымъ подъ 83 и 84 градусами. Онъ подтверждаетъ эти рассказы голландскихъ моряковъ, отправляющихся на ловлю китовъ, но эти рассказы можно отнести къ легендамъ; нѣкоторые изъ рассказчиковъ убѣждаютъ, что были даже дальніе полюса.

Успѣха доктора Петермана увеличилось успѣхомъ. Нѣмецкая экспедиція отправилась въ Вергена, въ Норвегій, въ май 1868 года, подъ начальствомъ капитана К. Болдсвейгъ; съ нимъ являлись Гильдебрандтъ, докторъ и тринадцать бременскихъ матросовъ составляють экипажъ. Корабль называется «Германія», вмѣщаетъ 80 тоннъ и совершенно новый. Эта скромная экспедиція одушевлена силой воли и направляется къ восточной сторонѣ Гренландіи до 74 градуса сѣверной широты. «Германія» остановится на островѣ Сабинъ, потомъ вступитъ въ полярное море и выйдетъ изъ него, если это возможно, Беринговымъ-проливомъ. Если экспедиція не будетъ въ состояніи проникнуть за Шпицбергенъ, то займется разсѣяніемъ въ землѣ Гильдъ, ледяной на востокѣ. «Германія» взяла съ собою проповѣдыванія на годъ. Въ концѣ июля пришли извѣстія объ этой экспедиціи. Корабль былъ окруженъ льдами и остановился. По послѣднимъ извѣстіямъ, экспедиція вернулась въ Бременъ 30-го сентября.

Недавно отправилась къ сѣверному полюсу и шведская экспедиція, слѣдуетъ по пути, назначенному Парри въ 1827 году. Французская экспедиція съ тою же цѣлью торопитъ отъ Вадомъ и Густавъ Ламберъ надеется имѣть успѣхъ.

Ламберъ, нѣмцкій гидрографъ и мореплавецъ, бывшій членомъ политехнической школы уже предпринималъ путешествіе къ сѣверу, куда надеется провести свою экспедицію. Онъ выхлѣзъ изъ Гавра въ 1865 году на кораблѣ, приспособ-

Раночная площадь въ Карлсбадѣ.

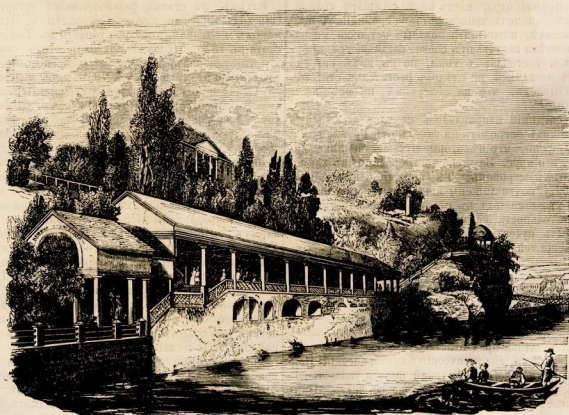
леномъ для ловли китовъ, промочить шерсть Беринговъ-проливъ до 72 градуса сѣверной широты, пробыть три мѣсяца посреди плавающихъ ледяныхъ горъ и изучать мѣстность, море и льды. Онъ составилъ планъ, похожій на планъ Кука. Въ июлѣ, когда тронутъ льды въ полярныхъ моряхъ, онъ предпретъ по Беринговъ-проливу, обогнетъ мысы Сердцъ и Сѣверный, проникнетъ въ плавающие льды, вступитъ въ полярныя или свободное море и направится прямо къ полюсу. Его сообщенія имѣютъ основанія. Доказано, если не фактами, то наблюденіями, что средняя температура, вмѣсто того, чтобы понижаться постепенно до полюса, напротивъ, возвышается тамъ, чѣмъ подъ полярнымъ кругомъ, то-есть, на 67 градусахъ широты. Въ этомъ видятъ возможность найти на самомъ полюсѣ открытое море, окруженное ледяною границею, которая закрываетъ совершенно только въ самые холодные зимніе мѣсяцы. Внимательное наблюденіе теченій и льдовъ подтверждаетъ существованіе на полюсѣ моря.

Генералъ Врангелъ, Анка уверяютъ, что видѣли на сѣверѣ отъ Сибири громадное водное пространство; Морговъ и Гейссъ встрѣтили открытое море на сѣверѣ отъ пролива Смита. Все это имѣетъ важное значеніе.

Извѣстно, что температура мѣстности зависитъ

не отъ положенія, занимаемаго ею между экваторомъ и полюсомъ. Александръ Гумбольдтъ провѣлъ по глубокую мѣскокую линію одинаковой теплоты, называемыхъ «изотермы». На полюсахъ вовсе не обязательно страшный холодъ. Въ 1821 году Давидъ Брюстеръ нашолъ на полюсахъ два самыхъ холодныхъ пункта или полюса: одинъ въ Сибири, другой въ сѣверной Америкѣ. Стало быть, температура на самомъ полюсѣ гораздо выше. Знаменитый итальянскій ученый Плавъ доказалъ въ 1864 г., что, по распреденію солнечныхъ лучей на поверхности земли, средняя температура, начиная съ полярнаго круга, должна возвышаться до самого полюса. Густавъ Ламберъ пришелъ къ тому же заключенію, доказавъ еще, что количество теплоты, доставляемое солнцемъ, должно измѣняться, смотря по мѣстности и времени года, по направленію солнечныхъ лучей, по долготѣ дней и ночей. На полюсѣ же солнце сѣдитъ шесть мѣсяцевъ не заходитъ и въ это время теплота накопляется и не расходуется. Стало быть, понятно, что лѣтняя температура доходитъ до того, что можетъ произнести таинѣ льду, накопившись въ длинную зимнюю ночь.

Ламберъ написалъ книгу «Lois de l'insolation» и въ ней объяснено распреденіе теплоты на зем-

Колоннада въ Карлсбадѣ.

полярный вь северные дни года. Он не исчисляет, а по прошлу счисленному повтора (21-го июня) на северном полюсе получается в сутки больше теплоты, чѣмъ въ мѣстности, находящейся подъ тропикомъ Скорпиона. Въ этомъ вычисленіи надобно только замѣтить, что на северѣ солнце низко и атмосферическое всасиваніе гораздо сильнее, чѣмъ на югѣ, гдѣ солнце очень высоко и лучи его падаютъ прямо, переставляя наше атмосферическое. Востая, лѣтняя теплота на полюсахъ гораздо значительнее, чѣмъ предполагали до сихъ поръ и можетъ произвести таинъ ледовъ подъ 81 или 85 градусами.

Существованіе полярнаго моря возможно, потому что мореплаватели испытывали на северѣ много теченій. На западѣ Гренландіи одно теченіе идетъ въ востокъ и гонитъ ледъ въ заливъ Байкса, Мак-Кинтоха и коровныя Викторіи. Направленіе это значительной массы воды доказано тѣмъ, что транспортъ «Резольвта», брошенный Келлетомъ близъ мѣся Кокубувъ въ 1854 г., бы найденъ въ 1855 г. за тысячу миль оттуда, въ проливѣ Денаса. Въ Беринговомъ проливѣ теченіе очень сильно на азиатской сторонѣ, только шесть мѣсяцевъ оно идетъ съ севера на югъ, а другіе шесть съ юга на северъ. Третье теченіе идетъ съ севера, между Шибперговомъ и Ново-Восточнаго, и оно тѣтъ сильно, что разбиваетъ ледяныя стѣны и доводитъ ледяныя корабелья. Между Шибперговомъ и Гренландіею теченіе тоже разбиваетъ ледъ. Надолъ бы такъхъ льды Пэрри, въ 1827 году, поплыли къ югу и только не человеческаго усилия позволили ему достигнуть до 82 градуса. Въ эти морскія рѣки втекаютъ, вбродно, въ большого резервуара, окружающаго северный полюс. На югѣ, напротивъ, теченія имѣютъ крутое направленіе и не промываютъ, а омываютъ ледъ, что даетъ основаніе предполагать на южномъ полюсѣ твердую землю.

Это подтверждается и другими доказательствами. На югѣ ледъ образуетъ громачныя массы, навошпывающія земли въ Альпахъ, въ Гималахъ и Кордильерахъ. Эти ледяныя горы и стѣны льда въ твердое основаніе, особенно зыбовъ, и занесены сѣверомъ. Ледомъ эти массы льду начинаютъ таять, тратится, вода пробивается сквозь трещины, ломаетъ ихъ, промываетъ отверстія, откалываетъ громадные куски, а при первыхъ морозахъ все это застываетъ и остается неподвижно. Мореплаватели въ южныхъ моряхъ опасались больше всего льдина, выбрасываемыхъ ледяными. Въ этихъ льдинахъ вообще обложки скалы и сѣды растительности и вообще всякой лѣды темнаго цвѣта, какъ лѣдъ, образующійся на землѣ, а не на водѣ.

Въ северномъ полюсѣ, напротивъ, все доказываетъ, что ледъ морской формации. Сидя, плаваящій въ водѣ, соединяется, твердеетъ и замерзаетъ гладкою поверхностью. При вѣтрѣ онъ ломается, скоро таетъ на солнце и каждый кусокъ льду образуетъ островокъ, окруженный сѣвѣною водою, окруженно отраженіемъ низко стоящаго солнца. Этотъ феноменъ происходитъ на громадномъ пространствѣ, потому что ледяные острова молочнаго цвѣта застываютъ снова, соединяются, приплываютъ и составляютъ горы, но въ нихъ нигде нѣтъ ни камней, ни сѣвѣной растительности; это доказываетъ, что на северномъ полюсѣ нѣтъ земли.

Эспедиція направлялась не разъ въ опасный лабиринтъ острововъ на западѣ отъ Гренландіи и не мудрено, что нѣкоторые путешественники ильды это море. Замѣтна также разница въ климатѣ этихъ острововъ. Тѣ, которые ближе къ континенту, почти лишены жизни, тогда какъ на островкахъ, лежащихъ въ северу, много животныхъ и растительности, какъ будто для того, чтобы пригласить путешественниковъ сѣдывать дальнее, гдѣ еще теплѣе.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Корреспонденція «Иллюстрированной Газеты» изъ ТИФЛИСА.

У.

Математика предлагаетъ два способа для уясненія предмета, аналитическій и синтетическій. Первый способъ говорить: узнай часть и узнаешь цѣлое, второй—узнаешь цѣлое и узнаешь часть. Примыняя это къ словословію, выходитъ: узнай часть и узнаешь людей, съѣди въ себѣ Недвижому и живому в Россіи; это по первому способу, а по

второму—если хочешь писать о Кузбѣ, надобно знать людей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, въ средѣ которыхъ онъ вращается. Какое-бы, что эти способы одинаково призывны какъ въ математикѣ, такъ и въ словесности, а между тѣмъ, на дѣлѣ въ искусствѣ—нужна точность, а ясность, сама выидеть изъ какого-нибудь уясненія съ тремя неизвѣстными, въ словесности ясность неиваста изъ какой-нибудь кагофоніи или синехохи.

Есть также и два способа писать. Первый—говорить, но не проговаривать и всегда оставаться задушею для отсутствія, или намекать на смыслъ между строками, доступный не всякъ смертному; второй—ничего говорить и ничего не сказать; первый способъ нѣкоторые называютъ юридическимъ, второй—дипломатическимъ.

Впрочемъ и читатели, въ свое оредѣ, дѣлятся на категоріи: къ первой принадлежатъ люди, имѣющие свой взглядъ на вещи, читающіе критическія статьи въ журналахъ, книги по части естественныхъ наукъ и понимающіе Щедрина и Островскаго.

Ко второй категоріи принадлежатъ люди, имѣющие свое убѣжденіе изъ рѣзко завышающаго свое направление каго-нибудь русскаго журнала, «Москвы», «Дѣла» или «Русскаго Вѣстника».

Къ третьей категоріи принадлежатъ всѣ, кто читаетъ, что случится, лишь бы не серьебно. Первая категорія самая малочисленная, третья самая многочисленная.

Въ настоящемъ году издавался въ Тифлисѣ еженедѣльнаягазета «Охо», издавалъ Берингамъ, кипроизводителъ, редакторъ Шаритъ, бывший редакторъ газетъ «Кавказъ» и покойнаго «Турецкаго Истета»; онъ же указалъ путь въ Пету и этому изданію. Сначала редакторъ съ издателемъ судились у мирового судьи, потомъ «Охо» прекратилось въ мартѣ.

Съ 1846 года издается «Кавказскій календарь», который годъ отъ году толстѣетъ, отъ того и стоитъ дѣла рубль—дѣла большая, интересъ малый.

Чтобы ознакомить читателей съ тѣмъ, какъ рѣшаются у насъ изслѣдованія, а сообщу исторію о томъ: «Улучшился ли у насъ торговля мясомъ?»

Въ 1866 году, въ № 28-мъ газетѣ «Кавказъ» была напечатана статья Дункель-Велннга, объ улучшеніи торговли мясомъ въ Тифлисѣ. Статья эта вызвала массу злобныхъ словъ мнѣнія тутѣмъ печати. Отговаривали на этотъ взглядъ г. Запольскій, Дробышевъ и Макаровъ. Дѣло казалось, по тому, динется впередъ уже не тутѣмъ печати. Потому Пасерскій вновь заговорилъ о торговлѣ мясомъ, повторилъ, что писалось и дѣлалось по этому предмету.

Пасерскій говоритъ, что вопросъ объ улучшеніи торговли мясомъ старъ (газета «Кавказъ» въ 1867 г., № 43). Что же дѣлать, если на этотъ старій вопросъ еще съ 1839 года не было яснаго отвѣта до 4-го июня 1867 года. Пусть впередъ будетъ старъ, лишь бы не продавалъ старое мясо.

Батвъ, въ статьѣ разсматривая историческій ходъ торговли мясомъ: Мурчавецъ, Зальмановъ и амкарамы; сколько убито въ Тифлисѣ скота въ 1845 году и гдѣ покупали этого скота, кто это говорилъ, кто это дѣлалъ, потому что сдѣлано по этому вопросу тутѣмъ печатнаго слова. Сначала говорится о заведеніи Дункель-Велннга и Запольскаго; тотъ и другой названы именами. Друга Дренева, какъ торговца мясомъ, можно бы упомянуть, но покуда больше согласенъ съ запольскимъ. Дункель-Велннга. Макаровъ заявилъ слово о томъ въ статьѣ Отвѣтъ на заявленіе объ улучшеніи мясной торговли въ Тифлисѣ. Макаровъ, какъ самъ говоритъ, погугаетъ и, говоря о продажѣ мяса въ Тифлисѣ, не можетъ стать на одну почву съ продавцами мяса, къ сторонникамъ, которыхъ онъ причисляетъ и Дункель-Велннга. Уничтоженіе таксы Макаровъ не желаетъ, и по тѣмъ же причинамъ, какъ и Запольскій, стояній на сторонѣ погугателей, т. е. потому, что въ Тифлисѣ никакая конкуренція немалыма, что амкаръ завладѣвъ всѣмъ, что продается въ Тифлисѣ събытному, амму таску, однако, Макаровъ признаетъ необходимость уничтоженія. Но что мнѣнію, сдѣлано бы составляли таксу не на одну мѣсть; всѣхъ всѣхъ; часть она то возникаетъ, то понижается, а на большой промежутокъ времени. Это было бы полезно для погугателей, оно вѣрнее могли бы составить свой годовой бюджетъ или только.

Дале Макаровъ обращается къ правительству

и требуетъ его многостороннаго влнствленія. Оно должно позаботиться, чтобы рнзница мнѣмъ хорошему бытовъ; должно бдѣть за чистотой и порядкомъ, чтобы въ продажѣ находилось мясо только хорошаго качества и не было другого и образно; чтобы ветеринаръ осматривалъ предвѣдвѣдвѣнную къ убью скотину, не позволялъ рѣзать скотину изъ подъ скажу; чтобы скотъ рѣзался дѣно, а не ночью, строго сѣдѣтъ, чтобы скотъ рѣзался только хорошии и осмотрѣнныи ветеринарнми; врачамъ; притомъ, Макаровъ указываетъ, что существуютъ какія-то земляни и темные углы, въ которыхъ рѣзаетъ скотъ самую низшаго качества, прибудилъ (если не правдивый) и хвосты...

Въ № 47-мъ Пасерскій резюмируетъ все, что сказано въ нашей мѣстной литературѣ о мясномъ вопросѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Господа, рнзницеи этотъ вопросъ тутѣмъ печатнаго слова, дѣлается на продавцовъ и покупателей. Продавцы: Дробышевъ и Дункель-Велннга—они за уничтоженіе таксы и свободу торговли. У Запольскаго и Макарова на знамени значится: «Берегите таксу; свобода торговли у насъ, значитъ свобода монополіи. Анонимная статья стоить особаюкомъ, значитъ она къ дѣлу неидетъ, хотя авторъ ее глубже всѣхъ вникнулъ въ дѣло, коснувшись эконоическаго быта города, но потому не знаетъ въ грубую ошибку, предлагая комитѣтѣ мѣровы».

Итакъ, ни правительству, ни обществу не рнзницыи вопроса объ уничтоженіи торговли мясомъ. Да вопросъ этотъ—продолжаетъ Пасерскій—въ старомъ смыслѣ и существовать не можетъ и не стоитъ надъ нимъ ломать головы, потому что крестьяне, у которыхъ можно бы покупать скотъ, сами не имѣютъ его, стало покупать негдѣ, и по-невольно покупать скотъ, который поступаетъ въ продажу чуждъ ли не накануне зимы, и дѣла такую массу 4 коп. немасою (а 7 и 8 копъ)! Чтобы помочь горю, единственное рациональное средство: улучшить бытъ крестьянъ, которые съ освобожденіемъ отъ влнственной зависимости терпятъ больше бедствъ предѣе (7), когда скотинникъ въ заведеніи своихъ помпшій (8). Чисто скотинникіи мнѣнія.

Пасерскій предлагаетъ мѣры, до улучшенія быта крестьянъ относилася: пусть торгуетъ Дробышевъ, пусть торгуетъ амкара; устройте бойню такую, какую предлагаетъ Дробышевъ, надбавятъ между и полиціи за рнзникамъ, особенно за тѣмъ, которые будутъ продавать по возмншенію (противъ таксы) дѣтъ, т. е. по которой продуктъ Дробышевъ (2) и брать таксу съ недобросовѣстныхъ торговцевъ; нужна и безурочность полицескихъ чиновниковъ. Было бы полезно, чтобы продава мяса по возмншенію таксъ существовало бы только въ большии городахъ, ли что можно сдѣлать. Нужно бы уничтожить амкаровъ, но какъ этого другдъ сдѣлать нельзя, то надобно, когда они рнхнутъ свои свои, а къ тому времени и бытъ крестьянъ непременно улучшится.

Значитъ, если не будетъ амкарства, то и говядина будетъ хороша и дешева. Если такъ, то же чему же жаловѣ! Пусть только помпшники поубавятъ свои сабакалы. Вотъ и окончательное рнзненіе вопроса объ улучшеніи мясной торговли. Чтб бы рнзвать першншмаго и не ломать головы надъ дѣланіемъ помандъ для ограничванія поюсты на влншнвой головѣ, что нисколько не улучшитъ торговлѣ мясомъ, какъ говоритъ Пасерскій, ила не скажутъ годѣ, о томъ, какъ это можно улучшить, рнзнь этотъ вопросъ тутѣмъ печатнаго слова, но долженъ сказать, что это печатное слово употреблено авторомъ по зло.

То, что Пасерскій называетъ требованіемъ Макарова влнствленія правительства, выражено было такъ: «Было бы лучше, еслибы вообще было посредство между продавцами и покупателями, и всѣ недоразумѣнія рнзнились бы на мѣстѣ, на базарѣ. И все устройствъ хорошей бойни, кажется, давно влнствъ власти, надбавляющей вообще за чистотой и порядкомъ. Тѣ же власти могутъ надбавить и затѣмъ, чтобы не продавали мяса другого и образно и чтобы при дѣланіи и бытъ, надбавить отъ нихъ, какъ существующаи слотные дворы, куда могъ бы заглядывать ветеринаръ и т. д.

Нужело это одно и то же?

Спрашивается: самъ Пасерскій желаетъ ли не желаетъ уничтоженія таксы? Къ какой категоріи онъ самъ принадлежатъ? Къ категоріи продавцовъ, погугателей, или стоить особаюкомъ?

